

*Журнал входит в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертации
на соискание ученой степени*

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 06.09.2023 Цена свободная
Тираж 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат
внутреннему и внешнему рецензированию

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ
Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гуцын Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Проблемы перехода государства в информационное общество. Цифровизация политической системы. *Бранец А.С.* 4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Влияние политики Древней Японии на развитие населения. *Фэн Шидэ* 12

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Гибридная война как форма межгосударственных конфликтов. *Дронов М.В.* 17

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Государственное управление в сфере содействия занятости. *Чернова О.А., Энгелис А.А.* 25

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Правовое регулирование прохождения судьями стажировок: российский и зарубежный опыт. *Вуколова А.Р.* 30

Актуальные проблемы рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в третейских органах. *Ржепик Я.Н.* 35

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Антимонопольное регулирование Федеративной Республики Германия: теоретический и практический аспекты. *Хайбрахманова А.Д.* 39

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Ошибка, как методологический и системообразующий фактор в уголовном праве. *Алесян Ж.С.* 45

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Тактические особенности применения БПЛА сотрудниками полиции. *Бордачев А.Ю.* 51

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Антироссийские санкции и современное цифровое общество в Российской Федерации. *Антипов А.А., Артамонова Я.С.* 58

List of References

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Problems of transition of the state to the information society. Digitalization of the political system.
Branets A.S.4

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLICY

The influence of the policy of ancient Japan on the development of the population.
Feng Shide12

CONFLICTOLOGY

Hybrid warfare as a form of interstate conflicts.
Dronov M.V.17

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Public administration in the field of employment promotion.
Chernova O.A., Engelis A.A.25

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Legal regulation of internships for judges: Russian and foreign experience. *Vukolova A.R.*30
Actual problems of consideration of individual labor disputes of athletes and coaches in arbitration bodies. *Rzhepik Ya.N.*35

FOREIGN EXPERIENCE

Antimonopoly regulation of the Federal Republic of Germany: theoretical and practical aspects.
Khaibrakhmanova A.D.39

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL AND EXECUTIVE LAW

Error as a methodological and system-forming factor in criminal law. *Alekyan Zh.S.*45

CRIMINALISTICS. JUDICIAL EXPERT ACTIVITY. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

Tactical features of the use of UAVs by police officers.
Bordachev A. Yu.51

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Anti-Russian Sanctions and Modern Digital Society in the Russian Federation. *Antipov A.A., Artamonova Ya.S.*58

Проблемы перехода государства в информационное общество. Цифровизация политической системы

Бранец Анна Сергеевна

аспирант, Сочинский государственный университет,
Ania797@yandex.ru

На данном этапе исторического развития наше общество перешло от индустриального к постиндустриальному – веку информационных технологий. В данной работе рассматриваются проблемы перехода государства в информационное общество, такие как правовые, например, киберпреступления, нарушающие права человека, социальные в сфере культуры, такие как пренебрежение этическими нормами. Помимо этого, были затронуты проблемы духовной и политической сфер. Были предложены способы решения данных проблем, опираясь на изученную литературу. Более подробно раскрыта тема цифровизации политической системы Российской Федерации. Была определена научная новизна работы и её актуальность, состоящая в том, что необходимо обратить внимание на разноплановые проблемы характерные для постиндустриального периода, а также коренным образом выявить предпосылки цифровизации политической системы. **Ключевые слова:** Постиндустриальное общество, информация, политическая система, цифровизация, переход, проблемы.

Термин, обозначающий часто употребляемое выражение, которое используют для разъяснения различных теорий – это «информационное общество» в новую вековую эпоху. Единое значение, в котором он часто употребляем, относится к растущему материально обеспеченному, высокотехнологичному обществу сферы услуг, где доминирующей технологией является информация, а не сырьё, также выявляется тенденция стремления к созданию социума, характеризующегося возрастающей отзывчивостью на личные необходимости людей, а также сохранением природоохранного баланса.

Использование персональных электронных устройств и телекоммуникационных растёт с каждым годом во всем мире, и то, что мы делаем, и то, как мы управляем своей жизнью. Дом там, где есть Wi-Fi – Точность беспроводной связи похожа, это то, из чего состоит сегодняшний мир. Повсюду вокруг нас мы замечаем, что кто-то использует мобильное устройство, такое как смартфон, планшет или смарт-часы. Сегодня, мобильность позволяет нам пользоваться цифровыми сервисами, на которые мы полагаемся. WK, Telegram, Uber, Facebook, Tinder и Twitter изменили то, как мы видим мир сегодня, потому что эти сервисы позволяют нам чувствовать то, что любое социальное взаимодействие возможно, им можно делиться и управлять в данную секунду.

Современная наука выделяет критерии, определяющие аспект «информационное общество»:

- это управление эксцессом между давлением консервативного характера и характера адаптивных изменений, произведенных логическим путем, а также понимания, основанного на современных знаниях, вместо традиционного обращения только к низменным эмоциям и грубой силе.

- это позволение гражданам заниматься продуктивной деятельностью, которая неизбежно требует глубоких знаний, генерирующее знания и основанное на них.

- это факт наличия социальной сети, свободно распространяющей информацию, чтобы эта информация фактически использовалась в последовательном порядке, а также с наличием положительного результата при принятии решений.

Исторически, социум постоянно зависел от информации, значит, фактически, он являлся информационным. И оно состояло из элементов, находящихся в взаимосвязанной системе. Но несмотря на это фактическое наличие данной категории не было определено. Этому было объяснение: так как качество информации было низким, чтобы ее можно было запомнить и устно передавать.

В исторической науке истории, законы и летописи считаются одними из самых первых культурных записей, изложенных в письменном варианте. Их обозначают как инструменты мнемонического характера для сохранения социума. Это значит, что перечисленные исторические записи являются одним из ответвлений всех совокупностей способов и приемов, позволяющих сохранить накопленный опыт. Как раз именно литература позволяла не только напрямую передать смысл, но и являлась стимулятором памяти. В период, когда информация начала увеличиваться, социум создал систему её хранения. Именно тогда общество рассматривало информацию как вспомогательную по отношению к имеющемуся в ней содержанию и представляло как пассивный ресурс, а не динамичный. Но в структуре государственного управления понимание информации как динамичного ресурса также присутствовало. Поэтому её, как правило, контролировали и использовали. Например, как средневековая Европа, так и Европа времен 19 века характеризуется такой структурой политического управления, при которой контроль осуществлялся путем издания книг, газет и других форм хранения информации, которая была доступна ограниченному кругу лиц. Но позже под действием либерализации вектор политического контроля информации был направлен на все слои общества, так как государства нуждались в более квалифицированных работниках. Произошло улучшение образования, а также экономической сферы, увеличение количества публикаций и научных открытий. Благодаря этому общество коренным образом поменяло собственное видение на информацию.

Такую теорию как «информативное сообщество» образовало активное формирование информативной сферы, определенно, наряду с положительными сторонами данной среды были и негативные, так называемые проблемы.

Они находятся в комплексе с новыми развивающимися отношениями, проходит создание отрицательных условий, а также социальных экцессов.

На данном этапе развития Интернет стал определенным фундаментом в обществе. Сфера его действия распространилась по всему миру, объединяя не только разноплановые экономические пространства, но и социум в целом, стирая все границы. Благодаря нему человек начал беспрепятственно знакомиться с новой информацией и осуществлять коммуникацию.

После наступления постиндустриального периода такой термин как «информационное общество» стал определенно существовать, а это значит, что понятия «информационный» и «постиндустриальный» равнозначны. К этому времени социальной среде были необходимы новые технологии и знания. Началось постепенное внедрение новых концепций и терминов. Например, факт увеличения информации принято называть «Информационным взрывом».

Исторически между серединами девятнадцатого и двадцатого веков сформировались качественные преобразования. Способ развития знаний и информации непосредственно изменился, также как и их природа. На протяжении длительного периода познания формировались на базе исследований, имеющих отношение к предметам. Нужно было понимать, что данное совершалось. Память человека была полностью задействована и совершала колоссальные усилия. Поэтому была выработана определенная схема разделения информации. Так чтобы запомнить значительно объемную группу, можно разбить её на подгруппы по определенному критерию.

Такой способ информативного регулирования существует и в общей науке. Например, на сегодняшний день такая дифференцированная наука как юриспруденция положила свое начало ещё в Древней Греции. Изначально упоминания о «равенстве и праве» были изложены в работах Пифагора в шестом веке до н.э. Далее развитие науки продолжается благодаря Гераклиту, Демокриту, Горгию и т.д. Следует упомянуть о работах Сократа, которые продолжил его ученик Платон. Теория содержала характер рационализма о государственном законе и праве.

В Древнем Риме появление юриспруденции приходится на конец четвертого – начало третьего веков до н.э. Она была сформирована как самостоятельная и отдельная наука. Начал формировать концепции и рассматривать

вопросы государства в середине третьего века до н. э. понтифик Тиберий Корунканий, также он преподавал данную науку. В этот период юриспруденция представлялась как трактовка государственных проблем и информационного содержания о стране. Действительно значительный вклад внесли мыслители Древнего Рима в рассматриваемую науку. Основательным правовым фундаментом были труды разных эпох от начала и до шестого века н.э. (кодификации Юстиниана).

Далее период Средневековья характеризуется дифференциацией юриспруденции. Первое, на что следует обратить внимание, это научно-правовая база мыслителей Древнего Рима. Второе, безусловно, деление правовых мыслителей на постглоссаторов и глоссаторов, а именно, на комментаторов и толкователей юриспруденции.

В Новое время юриспруденция приобрела дополнительные сферы. Ж. Ж. Руссо, И. Канта, Г. В. Ф. Гегель, Н. Маккиавелли и другие мыслители внесли великий вклад в науку и создали ряд знаменательных трудов.

Так, можно выявить то, что благодаря единственной мысли или идее могут сформироваться её ответвления и подразделы.

Сейчас коммуникативные связи общества занимают лидирующее место, во многом благодаря тому, что развитие постиндустриального общества произошло достаточно быстро, образовав информационный взрыв. У постиндустриального периода имеются собственные уникальные черты такие как:

1. Создание глобального информационного пространства, которое предоставляет открытость и доступность ресурсов сети, коммуникацию для людей, услуги и продукты сети;
2. Высокий уровень роста услуг и продуктов, которые связаны с коммуникациями;
3. Приоритетной социальной сферой считаются знания и информация.

Сегодня существует факт того, что информационное пространство во всем мире используется непропорционально. Помимо этого, социум разделен на группу людей, совершенно владеющими навыками использования технологий, также Интернета, и на тех, у кого возникают различные преграды для достижения такого же результата. Все это и создает проблемы в данной сфере. Определенное значение играет уровень экономического развития страны, из-за недостатка данного критерия может возникать дефицит информационного доступа. Происходит то, что в каждом государстве формируется собственный уровень развития

информационной структуры. Удаленность объектов является одним из многих факторов, влияющих на это. Помимо экономического критерия влияние оказывают организационный, моральный или этический.

Правовое регулирование также считается одной из проблем перехода в информационное общество. Правовая наука закрепляет негласную норму «права одного человека начинаются там, где заканчиваются права другого», и Конституция РФ также это содержит. Но сейчас из-за того, что возникает факт доступа через интернет-технологии к сервисам, соц. сетям, электронной почте и др., распространяются правонарушения в интернет сфере, и указанная выше норма нарушается. Возникают проблемы юридического характера. Например, мошенничество как интернет-, так и телефонное, распространение незаконных материалов, нарушение авторских прав и т.д.

Страна заинтересована в решении данных проблем и уделяет им особое внимание, а проблемы тем временем имеют глобальный характер. И чтобы прийти к их решению необходимо международное сотрудничество.

Дополнительными проблемами выступают факторы деградации национального языка, потери идентичности государства и нарушения принципов этики. Происходит воздействие психологического плана на сознание социума и индивидуума. Вследствие чего происходит подавление культурной, экономической и политической независимости.

Постепенно меняется система образования, например, в сферу обучения внедряются технологии, но существует действительная проблема, раскрывающая падающую роль учителя.

Аспект физической активности стал тем фактором, на который следует обратить особое внимание. Ведь с появлением интернет-технологий начал пропорционально увеличиваться уровень снижения физической активности, что отражается как на состоянии, так и на умственных способностях человека.

Совместно с переходом общества в постиндустриальное возникло «информационное оружие». Этот термин содержит то, что существуют системы, влияющие на интернет-безопасность в отрицательном ключе.

Возникновение конфронтации в информационном обществе отслеживается как в монополии производства компьютерной техники, так и на рынке, проявляя воздействие силовым путем на соперника, являясь очередной проблемой.

Главной ценностью во все исторические периоды была человеческая жизнь, и постиндустриальный период охарактеризовался тем, что защита личности действительно усложнилась. Интернет сети, видеохостинги и др. могут сделать частную жизнь открытой против воли человека. Следовательно, защита пространства личности усложнилась.

Поскольку четвертая промышленная революция продолжает разворачиваться, развитие цифровых платежей и инфраструктуры цифровой идентификации (например, розничных платежных систем в режиме реального времени, инклюзивных систем идентификации, кредитной информации, доступа в Интернет и мобильной связи) может помочь решить структурные проблемы финансовой изоляции и неформальности. Одной из областей, где необходимы значительные инвестиции, является цифровая инфраструктура. Непредвиденные разрушения, вызванные пандемией Covid-19, подчеркнули важность цифровых платежей и инфраструктуры цифровой идентификации для смягчения социально-экономических проблем.

Цифровое удостоверение личности, цифровые платежи и управление данными важны по отдельности. В совокупности они создают мощное общественное благо. Это сочетание так же важно для современной экономики, как автомобильные и железные дороги для экономики двадцатого века.

Политическая игра по своей природе должна развиваться вместе с обществом, которое, в свою очередь, все больше вовлекается в динамику кибернетического пространства. Эта новая географическая среда изменила некоторые социальные динамики и усилила другие. Таким образом, политические движения, особенно политизация тем, также были оцифрованы, что привело к таким явлениям, как киберполитика, киберпопулизм и т.д.. С другой стороны, препятствия и кризисы политического процесса также отражаются в виртуальной среде, вызывая определенные опасения в академическом и политическом сообществе. В результате понимание того, как политическая власть осуществляется в киберпространстве, важно для понимания последствий для политической чувствительности в сетях, а также для оценки того, насколько процесс оцифровки политики гарантирует демократическое представительство. Активное применение и использование интернет-технологий начало проникать во все сферы, так политика исключением не стала. В России произошло ускорение политических процессов в виртуальной реальности в период

пандемии COVID-19. И коммуникация в политической сфере представлялась невозможной без использования форм цифрового взаимодействия. По мнению А.Е. Конькова, условия на сегодняшний день в политике позволяют наблюдать и понимать такие возможности, благодаря которым для человека открываются следующие явления: искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, робототехника. Все они будут нести тенденцию перспективных политических трендов и технологического уклада.

Более подробно необходимо рассмотреть такое явление как блокчейн, ведь именно он является наиболее применимым и значимым относительно сферы политики. Итак, сам термин определяет дифференцированную систему, то есть базу, которая структурно разделена. Она содержит данные с сформированными правилами и нормами, также информационный доступ. Заранее предпринимает то, что информация в ней будет храниться без изменений. Блокчейн имеет конкретные характеристики прозрачности и анонимности. Это значит, что без исключения все операции имеют открытый характер, при котором прослеживается цель действий. Но несмотря на это данные о получателях и отправителях закодированы. Те, у кого есть доступ ко всем кодам, а то есть ключи, могут использовать информацию, содержащую набор криптографических записей, закрытых для третьих лиц. Для правонарушителей взломать данную систему представляется почти невозможно, следовательно, утечка данных произойти в основном не может. А А.Е. Коньков в своем труде обосновал то, что если изучать блокчейн как организованный информационный механизм, то можно утверждать о том, что он охватывает последовательные блоки данных, которые составляют независимое принятие решений.

Следовательно, блокчейн – это система данных, характеризующихся такими факторами как конфиденциальность, невозможность отмены операций, надежность и легкость применения. Для того, чтобы внедрить данную технологию необходимо проинформировать граждан. Нельзя не упомянуть, что в нашей стране характер блокчейна рекомендательный.

Электронное государство также является частью общественно-политической коммуникации и цифровизации политического процесса. Так в работах Л.А. Агроб изложено то, что существуют технологические краудсорсинговые методы, а электронное правительство рассматривает как главную форму цифровизации политического управления. А Л.С. Яковлев изучает

стратегию и модель факта развития электронного правительства, делает акцент на выявление целей, принципов и различий его проектирования и создания. А.А. Ефимов приходит к выводу о том, что проект электронного правительства имеет суть, которая реализуется в любом государстве. Она содержит активное внедрение национальной информационной системы корпоративного характера. Также выявляет то, что электронное государство должно содержать аналогичную демократию, то есть электронную. Она будет реализована как возможность для граждан участвовать в государственной власти благодаря новейшим сетевым технологиям. Аппарат государственного управления будет способствовать положительному изменению и участвовать в данном, содействуя интернет-коммуникациям как необходимому каналу для влияния на власть, а инициатором будущего коренного изменения в различных сферах социальной жизни является появление и становление цифровых технологий.

В частности, для населения политическая цифровизация началась с сайтов, несущих информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»).

О. И. Филонова в своей работе обращает внимание на деятельность многофункциональных центров (МФЦ), работу Единого портала государственных и муниципальных услуг (госуслуги) с использованием современных информационных технологий согласно Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020)», это не что иное, как тенденция переноса в сеть политической коммуникации гражданина и чиновника. Участие активных онлайн-пользователей происходит на фоне открытости и прозрачности процесса управления государством и увеличения легитимности политической власти в жизнедеятельности граждан.

И. Г. Авцинова, говоря о необходимости улучшения качества обратной связи между гражданами и представителями власти, отмечает существенное совершенствование системы межведомственного электронного документооборота, формирование электронных площадок как повышение информационной открытости властвующей элиты, снижение сроков бюрократических процедур, прозрачность отчетной документации, в том числе в расходовании бюджетных средств. В то же время

наблюдается снижение доверия граждан к представителям власти.

По мнению А. Е. Конькова, стоит отличать политику цифровизации от цифровизации политики». Исследователь предлагает рассматривать феномен цифровизации политических отношений в трех направлениях:

1) цифровизация демократии - характеризуется масштабной моделью механизмов публичной политики на базе электронно-сетевой коммуникации;

2) цифровизация бюрократии - выражается в усовершенствовании компетенций госаппарата, создании и применении платформ на основе новейших версий электронного правительства;

3) цифровизация дипломатии - позволяет использовать новейшие цифровые технологии для решения задач в политической сфере регионального, государственного и международного уровней.

Госаппаратом создаются электронные платформы для продвижения программ по обмену политическими и профессиональными точками зрения и участию в социальных взаимодействиях между лидерами мнений и человеком. Социальные сети, блоги, аккаунты государственных органов должностных лиц в корне меняют формат политической коммуникации, влияют на политические взаимоотношения между политиками и гражданами. Политические лидеры регулярно обмениваются информацией в интернете, используя каналы социальных сетей для непосредственного взаимодействия с аудиторией, становятся отличной платформой для сбора информации и механизмом мгновенной обратной связи для выработки новой стратегии.

Доступ к персональным данным каждого из граждан или большей части общества правомерно поднимает вопрос о национальной безопасности страны. И. В. Бочарников, Н. А. Чemezov, И. Г. Авцинова предполагают, что подготовка специалистов в области новейших информационных технологий, участие в процессах цифровизации, управление цифровой активностью государственной политики должны обеспечивать безопасность и суверенитет страны в целом. Похожее мнение высказывают А. В. Малько, О. Л. Солдаткина, Н. В. Соловьева, заявляя, что информационная безопасность - часть системы обеспечения национальной безопасности российского государства. Данный вопрос выходит на первое место в большинстве стран и международных организаций, поскольку с каждым годом государства

во всем мире всё более превращаются в цифровые правительства, где лоббизм IT-корпораций становится ключевым, а большие «данные» заменяют традиционные формы «ценностей».

Таким образом, цифровую трансформацию госсектора можно представить следующим образом:

- bigdata;
- внедрение новых цифровых технологий для исключения риска потери данных, которые избавят от технических сбоев оборудования;
- облачные технологии и центры обработки данных с использованием мощнейшего сервера;
- оцифровка (информация становится доступной в цифровом формате);
- создание новых цифровых платформ;
- сведение к минимуму влияния человеческого фактора;
- вытеснение бумажного документооборота, хранение информации в электронном виде;
- разработка механизмов регулирования «цифровой среды» для обеспечения информационной безопасности.

При рассмотрении трансформации политического процесса современной России необходимо учитывать опыт внедрения («плюсы» и «минусы») новейших технологий в политику не только России, но и зарубежных стран. Ввиду интенсивности и массовости внедрения технологии проникают в отдельные секторы политики. При возникновении угроз государство стоит перед рядом управленческих решений, реализация которых требует неординарных управленческих мер. Россия отстает от передовых стран, и сложно предположить, какой собственный вариант цифровизации она изберёт.

Автор предлагает акцентировать внимание на наиболее существенных тенденциях, обусловливающих изменения политического процесса в современном российском обществе, оказывающих воздействие на развитие отношений между человеком и государством в ближайшие годы:

- тенденция «цифрового формата» - перевод всей существующей информации индивидуального, коллективного и публичного характера из аналоговых форм в цифровые (например, переход на электронные трудовые книжки, электронные цифровые подписи, электронное голосование и выборы, и пр.);
- тенденция к защите «данных» - при управлении массивом информации в сети Интернет возрастает риск утечки персональных данных и другой важной информации. Прозрачность сведений приведет к проблемам в политических

процессах, связанных с защитой прав и свобод человека, индивидуальности, частной жизни;

- тенденция контроля государства над личностью. С одной стороны, это можно рассмотреть положительно, как предотвращение террористических актов, с другой - ведет к развитию политического манипулирования, уязвимости личности;

- тенденция к роботизации - мир не стоит на месте в области новейших цифровых технологий, робототехника выступает как междисциплинарная наука.

В заключение, проанализировав материал, стало понятно, что внедрение цифровых технологий, актуальность цифровизации и её тренды в политический аппарат управления России интересны политикам и привлекают их внимание. Благодаря чему возникают вопросы такие как: реально ли внедрение новых цифровых технологий в политику; если да, то какие тренды политической цифровизации имеют наименьшие риски; в каком объеме их будут внедрять; а также повлияет ли их внедрение на социальные сферы и в каком ключе.

Заранее дать оценку тенденции развития политической цифровизации на государственной арене нашей страны представляется сложно.

Литература

1. Манано Алла, Синица Екатерина Информационное общество и ИКТ в образовании / Алла Манано und Екатерина Синица. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2020. - 108 с.
2. Амлинский, Л. З. Научные библиотеки информационного общества. Организация и технология / Л.З. Амлинский. - М.: Профессия, 2021. - 200 с.
3. Артюхин, В. В. Информационное общество и общество знаний – реальность, формации или концепции? / В.В. Артюхин. - М.: Синергия, 2018. - 292 с.
4. Борисенко, В.В. Наука и рыночные отношения в информационном обществе. Социально-философский анализ / В.В. Борисенко. - М.: Наука, 2021. - 634 с.
5. Гаврилина, Елена Инженерное творчество в информационном обществе / Елена Гаврилина. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2021. - 164 с.
6. Горюнов, Владимир Глобальное информационное общество на современном этапе / Владимир Горюнов. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. - 217 с.
7. Грабельников, А.А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества / А.А. Грабельников. - М.: РУДН, 2019. - 330 с.

8. Гребенников, Валерий История и перспективы информационного общества / Валерий Гребенников. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2021. - 112 с.

9. Дунаева, Наталья Владичевна Библиотека – Сердце Информационного Общества / Дунаева Наталья Владичевна. - Москва: Высшая школа, 2022. - 530 с.

10. Землянова, Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций / Л.М. Землянова. - М.: Московского университета, 2019. - 301 с.

11. Индикаторы информационного общества. 2010: моногр. . - М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2020. - 314 с.

12. Индикаторы информационного общества. 2011. - М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2020. - 320 с.

13. Информационное общество и международные отношения. Учебник / Р.В. Болгов и др. - М.: Издательство СПбГУ, 2022. - 384 с.

14. Капица, С. П. Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество / С.П. Капица. - М.: Ленанд, 2022. - 128 с.

15. Корнеев, И.Н. Особенности становления и развития телекоммуникационной индустрии как основы российской модели информационного общества / И.Н. Корнеев. - М.: Наука, 2021. - 218 с.

16. Коротец, Игорь Духовность в информационном обществе / Игорь Коротец. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2022. - 176 с.

17. Костина, А.В. Конструктивный социальный потенциал массовой культуры. Специфика проявления в информационном обществе: моногр. / А.В. Костина. - Москва: Наука, 2019. - 993 с.

18. Малюк, Анатолий Александрович Защита информации в информационном обществе. Учебное пособие для вузов / Малюк Анатолий Александрович. - М.: Горячая линия - Телеком, 2022. - 142 с.

19. Михаил, Яненко und Марина Яненко Маркетинг информационного общества: / Михаил Яненко und Марина Яненко. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2019. - 112 с.

20. Мусийчук, Сергей Общественное мнение в информационном обществе / Сергей Мусийчук. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2022. - 168 с.

21. Наука. Инновации. Информационное общество 2010. - Москва: СПб. [и др.] : Питер, 2018. - 497 с.

22. Попов Н., А., Кузьмина Н.Н. Место региона в системе управления развитием информационного общества / Николай А. Попов, Наталья Н. Кузьмина. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2022. - 120 с.

23. Жуликова О., Бабошин А. Влияние информационного общества на трансформации личности: моногр. / Ольга Жуликова, Антон Бабошин. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. - 172 с.

Problems of transition of the state to the information society. Digitalization of the political system

Branets A.S.

Sochi State University

At this stage of historical development, our society has moved from industrial to post-industrial - the age of information technology. This paper discusses the problems of the transition of the state to the information society, such as legal, for example, cybercrimes that violate human rights, social in the field of culture, such as disregard for ethical standards. In addition, the problems of the spiritual and political spheres were touched upon. Methods for solving these problems were proposed, based on the studied literature. The topic of digitalization of the political system of the Russian Federation is disclosed in more detail. The scientific novelty of the work and its relevance were determined, consisting in the fact that it is necessary to pay attention to the diverse problems characteristic of the post-industrial period, as well as to fundamentally identify the prerequisites for the digitalization of the political system.

Keywords: Post-industrial society, information, political system, digitalization, transition, problems.

References

1. Alla Manako, Ekaterina Sinitsa Information society and ICT in education / Alla Manako und Ekaterina Sinitsa. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2020. - 108 p.
2. Amlinsky, L. Z. Scientific libraries of the information society. Organization and technology / L.Z. Amlinsky. - М.: Profession, 2021. - 200 p.
3. Artyukhin, VV Information society and knowledge society – reality, formations or concepts? / V.V. Artyukhin. - М.: Synergy, 2018. - 292 p.
4. Borisenko, V.V. Science and market relations in the information society. Socio-philosophical analysis / V.V. Borisenko. - М.: Nauka, 2021. - 634 p.
5. Gavrilina, Elena Engineering creativity in the information society / Elena Gavrilina. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2021. - 164 p.
6. Goryunov, Vladimir Global information society at the present stage / Vladimir Goryunov. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. - 217 p.
7. Gabelnikov, A.A. Mass information in Russia: from the first newspaper to the information society / A.A. Gabelnikov. - М.: RUDN University, 2019. - 330 p.
8. Grebennikov, Valery History and prospects of the information society / Valery Grebennikov. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2021. - 112 p.
9. Dunaeva, Natalia Vladychевна Library - the Heart of the Information Society / Dunayeva Natalya Vladychевна. - Moscow: Higher School, 2022. - 530 p.
10. Zemlyanova, L.M. Foreign communication science on the eve of the information society. Explanatory dictionary of terms and concepts / L.M. Zemlyanova. - М.: Moscow University, 2019. - 301 p.

11. Indicators of the information society. 2010: monograph. . - M.: Higher School of Economics (State University), 2020. - 314 p.
12. Indicators of the information society. 2011. - M.: Higher School of Economics (State University), 2020. - 320 p.
13. Information society and international relations. Textbook / R.V. Bolgov and others - M.: St. Petersburg State University Publishing House, 2022. - 384 p.
14. Kapitsa, S. P. Essay on the theory of human growth. Demographic revolution and information society / S.P. Kapitsa. - M.: Lenand, 2022. - 128 p.
15. Korneev, I.N. Features of the formation and development of the telecommunications industry as the basis of the Russian model of the information society / I.N. Korneev. - M.: Nauka, 2021. - 218 p.
16. Korotets, Igor Spirituality in the information society / Igor Korotets. - M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2022. - 176 p.
17. Kostina, A.V. Constructive social potential of mass culture. Specificity of manifestation in the information society: monograph. / A.V. Kostina. - Moscow: Nauka, 2019. - 993 p.
18. Malyuk, Anatoly Alexandrovich Protection of information in the information society. Textbook for universities / Malyuk Anatoly Aleksandrovich. - M.: Hotline - Telecom, 2022. - 142 p.
19. Mikhail, Yanenko und Marina Yanenko Information Society Marketing: / Mikhail Yanenko und Marina Yanenko. - M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2019. - 112 p.
20. Musiychuk, Sergey Public opinion in the information society / Sergey Musiychuk. - M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2022. - 168 p.
21. Science. Innovation. Information Society 2010. - Moscow: St. Petersburg. [and others]: Peter, 2018. - 497 p.
22. Popov N., A., Kuzmina N.N. The place of the region in the information society development management system / Nikolai A. Popov, Natalia N. Kuzmina. - M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2022. - 120 p.
23. Zhulikova O., Baboshin A. The influence of the information society on personality transformations: monograph. / Olga Zhulikova, Anton Baboshin. - M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. - 172 p.

Влияние политики Древней Японии на развитие населения

Фэн Шидэ

аспирант, Институт Китая и современной Азии, Российская академия наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), 373845357@qq.com

Эта статья систематически подводит итог взаимному влиянию между населением и политикой в разные периоды японской истории, раскрывая воздействие и развитие со временем. Она рассматривает различные эпохи древней и феодальной Японии, включая эпохи Асука, Нара, Хэйан, Камакура, Муромачи и Эдо. Рост древнего японского населения был подвержен влиянию различных факторов, включая войны, природные бедствия и инфекционные заболевания, которые имели существенные краткосрочные эффекты. Однако на средний и долгий срок политические системы, производительность и технологии стали основными ограничивающими факторами. Развитие населения в Японии следует определенному образцу: успешные политические реформы или технологические достижения увеличивают производительность, приводя к быстрому увеличению населения на короткий срок до достижения предельной грузоподъемности, за которой следует застой, что приводит к циклическим периодам роста и стагнации. Этот феномен является результатом совместного влияния различных взаимосвязанных факторов.

Ключевые слова: древняя Япония, население, политика

Введение

Развитие населения оказывается под влиянием различных социо-экономических условий, не являясь лишь естественным процессом, но также связанным с культурными, экономическими и политическими факторами. Относительно ограниченные исследования были проведены по процессам развития древнего японского населения. Эта статья систематически подводит итог взаимному влиянию между населением и политикой в японской истории, выявляя исторические воздействия и развивающиеся паттерны. Она углубляется во влияние японских политик на население, рассматривая, как культурные, экономические и политические факторы формировали тенденции в населении на протяжении разных исторических периодов.

Период Асука и период Нара

В японской истории эпохи Асука и Нара были классическими периодами, в течение которых страна пережила значительные этапы развития и реформ, оказав глубокое влияние на общество и рост населения. В период Асука, с 7-го по конец 8-го века, население Японии выросло с нескольких сотен тысяч вокруг 6-го века до приблизительно четырех миллионов. Решающий поворот произошел в 645 году с "Тайкареформами". Изучая системы Китая, Япония установила свою древнюю нацию и внедрила общественную собственность на землю и людей (известную как "Коучи-комин"). Эта реформа, вероятно, способствовала социальной стабильности и росту населения, заложив тем самым основу для экономического развития.

ВВП на душу населения составляет около 598 долларов (2011 \$). Впоследствии, в период Нара, экономика Японии пережила значительное развитие. Сельскохозяйственные и ремесленные технологии, внесенные из Китайской династии Тан, способствовали развитию отраслей, таких как текстиль, металлургия и керамика, повышая производительность и сельскохозяйственный выпуск. В то же время введение денежной системы способствовало постепенному появлению торговых деятельностей в ранний период Нара, включая торговлю с династией Тан. Эти торговые деятельности, вероятно, способствовали миграции и движению населения, и процесс урбанизации ускорился благодаря развитию ремесленных отраслей и городов, привлекая лиц, ищущих возможности

для трудоустройства. Эти реформы и экономическое процветание совместно стимулировали рост населения. Процветание, вызванное торговлей, вероятно, способствовало увеличению населения, а развитие сельского хозяйства и ремесленных отраслей повысило производительность, впоследствии способствуя росту населения. Достижения эпох Асука и Нара являются значимыми вехами в истории роста населения и экономического процветания Японии. В 730 году реальный ВВП на душу населения составлял около 598 долларов США (по стоимости 2011 \$а).

Период Хэйан

Одной из основных причин было то, что эпоха Хэйан характеризовалась продолжительным миром, что привело к возникновению системы землевладельцев и разрушению государственных земель, что сдвинуло экономику Японии в сторону сельского хозяйства как основной цели. Торговля постепенно уменьшалась, делая Японию преимущественно сельскохозяйственной нацией с рисом в качестве основного средства обмена. Что касается распределения и движения населения, торговля, вероятно, привела к концентрации населения в торговых портах и коммерческих центрах, способствуя процветанию городов, в то время как сельская местность оставалась относительно менее развитой. Другим влиятельным фактором была политика изоляционизма Японии, известная как сакоку, которая ограничивала внешнюю торговлю. Эта политика была проведена из-за опасений, что торговля может представлять угрозу. Такая закрытая политика могла повлиять на движение населения и коммуникацию, в некоторой степени изолируя Японию и ограничивая ее взаимодействие с зарубежной торговлей, тем самым влияя на контроль правительства. Рост населения в классической Японии был связан с успешными политическими реформами (Тайка-реформы) и принятием китайских технологий. В это время японское правительство было относительно открытым, и развитая торговля привнесла технологические и политические достижения. Вокруг 730 года реальный ВВП на душу населения составлял около 598 долларов (2011 \$). За следующие три столетия он вырос до около 1010 долларов (2011 \$), достигнув пика в этот период. К 1120 году он составлял примерно 927 долларов (2011 \$).

Период Камакура

В период Камакура Япония пережила ряд факторов, влияющих на динамику населения.

Прежде всего, две войны с Монгольской империей в 1274 и 1281 годах вызвали конфликты и военные потрясения, что могло привести к значительным человеческим потерям и перемещениям. Хотя Япония вышла победительницей, эти войны, вероятно, привели к некоторому снижению населения и его движению. К 1280 году реальный ВВП на душу населения составлял около 841 доллара (2011 \$), продолжая снижение по сравнению с предыдущими данными. С эпохи Хэйан до эпохи Камакура произошло сокращение населения, а холодный период малого ледникового времени XIV века оказал отрицательное воздействие на сельскохозяйственный выпуск и население. Однако эпоха Камакура также принесла процветание и рост населения. Сельские районы приняли более совершенные железные инструменты и удобрения, улучшили методы орошения и начали практиковать двукратное выращивание, что повысило производительность и способствовало росту деревень. Города процветали благодаря снижению числа голодовок и эпидемий, что привело к процветанию торговли и привлекло миграцию населения и ускорение урбанизации. Однако политические потрясения периода Камакура также оказали влияние на вопросы населения. Изменение политической власти осложнило отношения между имперским дворцом и шогунатом. В то время как шогунат обладал практической властью, имперский двор все еще сохранял номинальное правление. Эта политическая нестабильность могла негативно повлиять на стабильность и рост населения. Кроме того, шогунат внедрил политику "Ёнаоши", направленную на защиту фермеров от голода и тяжелых налогов. Эта политика способствовала стабилизации сельской экономики, улучшению благосостояния и стабильности фермеров, а также способствовала росту населения. Что касается политики внешней торговли, несмотря на торговлю с восточноазиатскими странами, такими как Китай и Корея, шогунат ограничивал масштаб и места внешней торговли. Это ограничение могло повлиять на экономику и население определенных регионов.

Период Муромати

Начиная с эпохи Камакура и продолжая до эпохи Муромачи в японской истории, страна пережила относительно процветающую экономику и расцвет торговли, что имело значительное влияние на динамику населения. С ростом экономики и повышением производительности население Японии продемонстрировало замет-

ный восходящий тренд. Население увеличилось с около 6 миллионов в конце XIII века до 10 миллионов в XV веке, что отражает явно выраженную траекторию роста. К 1450 году реальный ВВП на душу населения составлял около 867 долларов (2011 \$), без значительного роста. Активное развитие коммерции и обширная торговля с такими странами, как Китай и Корея, привлекали миграцию населения в городские центры, так как люди искали лучшие экономические возможности и условия жизни. Процесс урбанизации ускорился, определенные регионы стали культурными центрами, вероятно, привлекая население к этим местам благодаря развитию художественных форм и культурных обменов. Взаимодействие с династией Минг в Китае также оказало влияние на население. С одной стороны, Япония экспортировала товары в Китай, а с другой - импортировала продукты, такие как шелк, фарфор и книги, что могло повлиять на экономики и образ жизни в некоторых населенных районах. Экономическое процветание и развитие торговли способствовали росту денежной экономики, переходя от обменной экономики к денежной. Это изменение дополнительно облегчило рост коммерции и торговли, обеспечивая поддержку для устойчивого экономического роста. Однако, несмотря на экономический подъем, торговые деятельности в основном контролировались и влияли на внутренних феодальных лордов Японии и другие заинтересованные группы. Это могло ограничивать экономику и население в некоторых регионах. С эпохи Камакура до эпохи Муромачи Япония пережила относительно экономическое процветание и расцвет торговли, стимулируя рост населения и урбанизацию. Торговые деятельности и культурные обмены также оказали определенное влияние на население, формируя характеристики динамики населения Японии в этот период.

Период Эдо

Динамика населения во время Эдо периода была подвержена влиянию различных политик. Во-первых, Токугавская шогунская власть осуществила "Политику долгосрочного мира и стабильности" (политика долгосрочного мира и стабильности), поддерживая относительно стабильную и мирную социальную среду и снижая частоту конфликтов. Это было выгодно для средств к существованию и стабильности фермеров и других социальных классов, способствуя росту населения и развитию. Япония пережила период взрывного роста населения в эту эпоху. Рост населения в этот период был

результатом взаимодействия нескольких факторов. В 1600 году реальный ВВП на душу населения составлял около 1061 долларов (2011 \$овых долларов), без значительного увеличения. В 1750 и 1800 годах реальный ВВП на душу населения составлял около 953 и 1317 долларов (2011 \$овых долларов) соответственно. Во-первых, мирная и стабильная социальная среда создала условия для роста населения. После установления Токугавской шогунской власти внутренние конфликты в Японии в значительной степени утихли, и была внедрена стабильная система владений (хан), создавая относительно стабильное централизованное управление. Этот 260-летний период мира создал благоприятные условия для экономического развития и роста населения. Во-вторых, увеличение производительности сельского хозяйства сыграло ключевую роль в росте населения. В этот период мира сельское хозяйство было поощрено и развивалось. Улучшения сельскохозяйственных инструментов, использование новых удобрений и улучшения сортов риса привели к значительному увеличению урожайности. С увеличением запасов продовольствия для фермеров их стимулировали иметь больше детей, способствуя тем самым росту населения.

Земельные реформы предоставили больше возможностей для обработки земли, служа материальной основой для роста населения. Система хан разделила Японию на несколько владений, где даймё (феодалы лорды) обладали абсолютной властью в пределах своих территорий, но должны были придерживаться политических указаний централизованной власти шогуната. Эта политика децентрализованной власти ограничивала альянсы и угрозы между даймё, способствуя местной стабильности и обеспечивая определенные гарантии для местного населения. Консолидация и развитие земель также положительно сказались на росте населения. Во время Эдо периода Токугавская шогунская власть проводила масштабную консолидацию и развитие земель, преобразуя огромные незасеваемые участки в пахотные земли, увеличивая земельный выпуск. Площадь пахотных земель увеличилась с 2,2 миллионов чо (примерно 5,3 миллиона акров) в 1600 году до почти 3 миллионов чо (примерно 7,3 миллиона акров) к 1700 году и продолжала расти до почти 3,6 миллиона чо (примерно 8,8 миллиона акров). Кроме того, развитие городов привлекло значительный приток населения.

Однако со временем рост населения постепенно начал замедляться. К концу XIX века население Японии оставалось примерно на

уровне 30 миллионов человек, с медленным приростом. Это явление в основном было обусловлено достижением пределов промышленного производства на земле, с избыточным населением, которому не хватало достаточного питания. Кроме того, внутренние политики и политика национального замыкания накладывали ограничения, сдерживающие рост населения в определенной мере. Для решения проблем замедления роста населения и недостатка продовольствия семьи в период Эдо начали контролировать количество детей. В крестьянских домохозяйствах были приняты методы контроля над рождаемостью или плодородием, чтобы поддерживать экономическую стабильность и средства к существованию внутри семьи. Это дополнительно повлияло на рост населения.

В период Эдо, с одной стороны, стабильная социальная среда и реализация политики способствовали росту населения и развитию. Однако через столетие политика национальной изоляции наложила определенные ограничения на внутреннюю экономику и связанное население.

В феодальный период японской истории изменения в структуре власти имели значительное влияние на вопросы населения. Политическая власть переместилась от центрального монарха (Императора) к местным богатым владельцам земель и военным военачальникам, что привело к изменениям в методах производства и возникновению проблем населения.

С изменением политической власти шогун стал фактическим правителем, укрепляя свое положение через контроль над вассальной системой. Вассальная система требовала, чтобы люди предоставляли верность и услуги владельцам земли (даймё) в обмен на доступ к земле и долю сельскохозяйственных урожаев. Эта система сделала владельцев земель правителями своих подданных, которые были обязаны повиноваться их приказам. Шогунские поместья были землями, выделенными шогуну преданным подданным, и наиболее могущественные из них становились даймё, контролирующими обширные земли и частные армии.

Под влиянием этой системы сельское хозяйство стало экономической базой, а подавление промышленности и торговли ограничило экономическое развитие. Кроме того, использование риса как опоры для обмена ограничило экономическое разнообразие и живучесть. Эти политики, ограничивающие экономическое развитие, косвенно повлияли на рост населения. С 1000 года по 1750 год реальный ВВП на душу

населения колебался от 840 до 1073, без значительных технологических достижений. К концу Эдо-периода в 1850 году реальный ВВП на душу населения составлял около 1400 долларов США (2011 \$овых долларов).

Из-за контроля шогуна над экономикой и земельными ресурсами, подавляющего коммерческого процветания, население сконцентрировалось в сельских районах. Относительно отсталые сельские районы не могли предоставить достаточно рабочих мест и ресурсной поддержки, ограничивая рост населения. Кроме того, вассальные отношения феодальной системы ограничивали свободное передвижение людей, поскольку привязанность подданных к владельцам земли ослабляла мобильность населения.

В этот период изменения в структуре власти привели к сдвигам в экономических системах и политике. Агрокультура была признана базовой, что подавляло развитие промышленности и торговли. Использование риса как опоры ограничило экономическое разнообразие. Все эти факторы совместно ограничивали рост населения.

Заключение

Рост населения Древней Японии подвергался влиянию различных факторов, включая войны, природные бедствия и инфекционные болезни, которые имели значительное краткосрочное воздействие на население. Однако в среднесрочной и долгосрочной перспективе политические системы, производительность и технологии были основными факторами, ограничивающими рост населения. Развитие населения Японии следовало определенным паттернам: успешные политические реформы или технологические прорывы способствовали повышению производительности, стимулировали экономический рост, увеличивали сельскохозяйственную продукцию, что приводило к быстрому росту населения в короткий период, до достижения вместимости среды обитания на тот момент. Впоследствии рост населения замедлялся и оставался на более низком уровне, ожидая следующего цикла. Этот циклический паттерн роста населения и стагнации многократно повторялся в истории Японии и является результатом совместного влияния множества взаимосвязанных факторов.

Литература

1. Фаррис, У. (2020). Быт и демография в Древнем Японии (с. 149). Издательство Университета Мичигана.

2. Ёити Таширо, Синдзиро Хагивара & Фумио Канадзава. (1996). Современная экономическая политика. Юхаккаку.

3. Масанори Такашима. (2016). Сельское хозяйство и экономический рост в Древней Японии: оценка площади обрабатываемой земли, продуктивности земель и объема сельскохозяйственной продукции. Исследования социальной и экономической истории, 81(4), 563-586.

4. Ли Чжо. (2011). Демографическая ситуация и политика населения в современной Японии. Исследования по Японии, (4), 50-57.

5. Мальтус, Т. Р. (1986). Очерк о принципе населения (1798). Труды Томаса Роберта Мальтуса. Лондон, Издательство Пикеринга и Чатто, 1, 1-139.

6. Ми Янцзюнь. (2007). Политика населения в Японии в свете идей Тэфу Софунэ. Исследования по продуктивности, (19), 97-98.

7. Казумаса Кобаяши. (1969). D: Демография. Исследования по этнической антропологии, 33(3-4), 303-305.

The Influence of the Politics of Ancient Japan on Population Development

Feng Shide

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(MGIMO)

This article systematically summarizes the reciprocal influences between populace and politics during different periods of Japanese history, revealing the impact and development over time. It examines the various eras of ancient and feudal Japan, including the Asuka, Nara, Heian, Kamakura, Muromachi, and Edo eras. The growth of the ancient Japanese population was influenced by various factors, including wars, natural disasters, and infectious diseases, which had significant short-term effects. However, for the medium and long term, political systems, productivity and technology have become the main limiting factors. Population development in Japan follows a pattern: successful political reforms or technological advances increase productivity, leading to a rapid increase in population for a short time before reaching capacity, followed by stagnation, resulting in cyclical periods of growth and stagnation. This phenomenon is the result of the combined influence of various interrelated factors.

Keywords: ancient Japan, population, politics

References

1. Farris, W. (2020). Life and demography in ancient Japan (p. 149). University of Michigan Press.
2. Yoichi Tashiro, Shinjiro Hagiwara & Fumio Kanazawa. (1996). Modern economic policy. Yuhakkaku.
3. Masanori Takashima. (2016). Agriculture and Economic Growth in Ancient Japan: An Estimation of Cultivated Land Area, Land Productivity, and Agricultural Output. *Studies in Social and Economic History*, 81(4), 563-586.
4. Li Zhuo. (2011). Demographic situation and population policy in modern Japan. *Studies in Japan*, (4), 50-57.
5. Malthus, T. R. (1986). *An Essay on the Principle of Population (1798)*. Works of Thomas Robert Malthus. London, Pickering & Chatto Publishers, 1, 1-139.
6. Mi Yangjun. (2007). Population policy in Japan in the light of the ideas of Tefu Sofune. *Productivity Research*, (19), 97-98.
7. Kazumasa Kobayashi. (1969). D: Demographics. *Studies in Ethnic Anthropology*, 33(3-4), 303-305.

Гибридная война как форма межгосударственных конфликтов

Дронов Михаил Владимирович

соискатель, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Giraffa@yandex.ru

Статья посвящена сути конфликтов последних двух десятилетий, которые характеризуются сложностью, двусмысленностью и асимметрией в стратегии и примененных средствах, именуемых гибридной войной. В статье подробно разобран генезис их происхождения. Описаны основополагающие принципы гибридной войны, заключается в комбинированном использовании комплекса факторов невоенного характера, включая технологические достижения, для воздействия на противника с возможным ограниченным использованием вооруженных сил. Кроме этого подробно разобран генезис происхождения гибридной войны. Приведены примеры подобных конфликтов. Так же показаны мнения в экспертном сообществе о перспективности этого противостояния - является ли гибридная война новой формой ведения войны и должна ли она квалифицироваться как революция в военном деле, которая установит новую стратегическую парадигму. **Ключевые слова:** гибридная война, неоднозначная война, нелинейная война, бесконтактная война, война n-го поколения, сетевая война, постсовременная война.

Конфликты XXI века часто описываются как начало «нового способа ведения войны», характеризующегося сложностью, двусмысленностью и асимметрией в стратегии и примененных средствах. Эпоха асимметрии почти повсеместно демонстрировала сложные комбинации действующих лиц, нарративов, тактик и технологий, а также неоднозначное взаимодействие между местным, региональным и международным контекстами, в которых они происходили.

Исследователи в этой сфере еще наращивают эмпирический базис и определяют различные подходы к изучению данного феномена. Новый способ ведения войны часто называют «гибридной войной». Термин гибрида (hybrid) изначально использовался в зоологии и биологии и означает результат скрещивания генетически различных форм. Конфликты XXI века стали поводом привнесения и широкого распространения данного термина в военной сфере. Однако по этой теме отсутствует единая понятийная определенность и суть такого противостояния имеет ряд названий «неоднозначная война», «нелинейная война», «бесконтактная война», «война n-го поколения», а также «сетевая война», «постсовременная война».

Отечественный исследователь О.В. Столетов выделяет термин «проху warfare». В русскоязычном варианте этот термин получил значение «опосредованной войны», «войны чужими руками», «войны по доверенности». Более того, он предлагает именно данный термин для лучшего определения конфликтов периода «Новой холодной войны», то есть современного этапа. В то же время, термин «проху warfare» активно использовался для описания вооруженных конфликтов второй половины XX века, в частности, конфликтов между Индией и Пакистаном из-за Кашмира, в связи с чем, по нашему мнению, не может в полной мере отражать особенности конфликтов XXI века, например, гибридной войны США и других стран НАТО против Российской Федерации, центром которой стала Украина.

Понятие гибридной войны стало широко использоваться с 2007 г., когда военно-политический эксперт Фрэнк Хоффман опубликовал работу «Конфликты в 21 веке: начало гибридных войн». Ф. Хоффман описал гибридную войну как мультимодальную, не вписывающуюся в существующие теоретические рамки и не имеющую четких границ. Такие гибридные войны приходят на смену государственным конфликтам XX века. Их характерными чертами становятся асимметричность противостояния, отсутствие четкого разграничения между гражданским и военным лицом или объектом, между организованным насилием, террором, преступностью и войной. Ф. Хоффман указывал на специфику гибридных угроз, которые недостаточно учитываются большинством военных теоретиков, часто игнорирующих неудобную для них и двусмысленную природу современных угроз, отсутствие традиционных противников, которые не выстраиваются в уставном порядке и уже не ведут традиционных войн прошлого. По оценкам Ф. Хоффмана, США крайне медленно институционализируют набор инструментов, направленный на отражение новых угроз, о чем свидетельствует анализируемый им конфликт на юге Ливана в 2006 г. [1].

Публикация работы Ф. Хоффмана положила начало широкому обсуждению гибридных форм противостояния, включая представителей политических элит. Понятие «гибридная угроза» и близкое к нему понятие «гибридная война» стали использоваться для обозначения способов ведения боевых действий, принципиально отличающихся от ранее имевших место войн.

В то же время, как отмечается на официальном сайте НАТО, хотя современные конфликты ведутся новыми, инновационными и радикально отличающимися методами, они все меньше касаются непосредственного участия вооруженных сил, сама природа международной безопасности и международных конфликтов остается прежней. Остаются прежними и закономерности, которым подчиняются международные отношения, например, «игра с нулевой суммой», при которой победа одной стороны означает поражение другой, неизбежность вооруженных конфликтов, сохранение дилеммы безопасности и баланса сил[2].

В этой связи можно привести примеры технологий «цветных революций», с комплексным использованием возможностей единого информационного пространства и современных информационных технологий, которые в сочетании с политическим и экономическим воздействием позволяют достичь цели без военного

вмешательства, при необходимости с точечной ликвидацией представителей политической и экономической элиты, правоохранительных органов.

Концепция гибридной войны превратилась в одно из самых перспективных и спорных направлений исследований. При этом, в экспертном сообществе существуют разногласия, является ли гибридная война новой формой ведения войны и должна ли она квалифицироваться как революция в военном деле, которая установит новую стратегическую парадигму[3].

До настоящего времени не появилось исчерпывающего и однозначного определения сути этого противоборства, которое было бы сформировано в первую очередь авторами соответствующих тематических исследований.

Идея «гибридных войн», по мнению американских экспертов Майкла Ишервуда[4], Джанин Клиндер[5], состоит в одновременном и комплексном применении разнообразных средств, чем достигается асимметричное превосходство по всем направлениям.

В докладе «Military Balance 2015» «гибридная война» характеризуется как использование военных и невоенных средств, а также фактора внезапности в комплексной кампании, в которой задействуются дипломатические возможности, информационные, кибероперации, тайные и открытые подрывные и военные действия, в сочетании с экономическим давлением[6].

Бывший министр обороны США Роберт Гейтс характеризовал гибридную войну как сочетание современных технологий и архаики, совокупность применения мощи вооруженных сил государства с фанатичным и неиссякаемым рвением инсургентов, ведущих «партизанские» боевые действия, а так же совместное использование продукции компании «Microsoft» с примитивным холодным оружием и технологиями «STELs», управляемых камикадзе» [7].

Директор Центра восточноевропейских политических исследований А. Кудорс в информационной записке «Гибридная война: новый вызов безопасности для Европы» сформулировал определение гибридной войны как конфликта, связанного с внутренними или внешними угрозами, участниками которого одновременно выступают вооруженные силы государства, войска специального назначения, различные вооруженные формирования, а также криминальные элементы, действия которых направлены на дестабилизацию ситуации в стране. Он отмечает, что в гибридной войне, в отличие от обычной, основное внимание уделяется активному участию населения целевого государства[8].

Американский эксперт М. Кларк трактует гибридную войну как набор действий в отношении противника, который находится ниже уровня обычного конфликта, с возможностью, при необходимости, введения вооруженных сил с применением обычных вооружений[9].

Особенностями гибридной войны, которые могут дать понимание ее сущности, являются:

- разносторонность, сочетание обычной, нерегулярной, кибер- и информационной войны, а также невоенных действий политического, экономического, дипломатического характера;

- признание роли негосударственных субъектов, куда относятся не только группировки боевиков или террористов, но и киберпреступников и хакеров, других субъектов, которых могут использовать в гибридной войне для достижения своих целей;

- использование новейших технологических достижений, включая кибервозможности, искусственный интеллект, интернет-пространство[10].

Нацеленность на дестабилизацию общества путем влияния на процесс принятия решений предполагает вмешательство в избирательные процессы, дезинформацию и ложные новости (fake news), создающие «параллельную реальность», кибератаки на «критические системы», финансовое влияние, включающее инвестиции и кредиты, заключение невыгодных сделок, которые в долгосрочной перспективе делают страну уязвимой для политического давления[11].

Есть мнение, гибридная война подразумевает форму конфликта, при которой происходит совместное вовлечение регулярных и нерегулярных вооруженных сил, нацеленных на достижение общей стратегической цели, что стало следствием происходящей «синергии угроз».

Схожее определение гибридной войны дает словарь Коллинза, который указывает на военную стратегию, сочетающую «обычную» войну с тактикой тайных операций и кибератак[12].

По нашему мнению, гибридная война может происходить без прямого вовлечения вооруженных сил, однако гибридная война в определенной степени следствием сближения или слияния угроз безопасности, при этом одновременно являясь причиной дальнейшей синергии этих угроз, и в этом плане представляя собой закономерный итог глобализации.

Кембриджский словарь предлагает определение гибридной войны как использование комплекса различных методов для воздействия на противника, таких как распространение ложной

информации, атака на ключевые информационные системы, используемые совместно с «традиционными» военными действиями или вместо них. Отличительной чертой современных гибридных войн является широкое использование новейших технологий, что позволяет противникам угрожать друг другу, не прибегая к прямым военным действиям.

В отличие от гибридной войны, «проху war», согласно определению, данному в Кембриджском словаре, представляет собой войну между группировками или небольшими странами, каждая из которых представляет интерес крупным державам, получая от них помощь. Такими войнами были, например, вооруженные конфликты периода холодной войны.

Тем самым гибридная война является отличительной формой вооруженного конфликта современности, описывая противостояние с использованием новых технологий ведения военных действий, которые не соотносятся с ранее применяемыми в военных действиях[13].

Отечественный исследователь Н. Комлева отмечает, что гибридная война представляет собой явление, относящееся к геополитике, и не определяемое в полном объеме в каких-либо исследовательских парадигмах. В геополитическом смысле гибридная война представляет собой совокупность одновременных действий, которые нацелены на разрушение основных геополитических пространств противника. Итогом может быть полный крах политической системы[14].

П.А. Цыганков указывает на необходимость как минимум одного из нескольких факторов для возникновения гибридной войны:

- многообразие типов акторов, которые руководствуются разнообразными мотивами, прежде всего, экономическими и культурными;
- переменчивая конфигурация сражений гибридной войны, которая дает преимущество то одной, то другой стороне;

- отказ противников от диалога или провал переговоров;

- слабость и/или отсутствие интеграционных институтов[15].

Определения гибридной войны отличает некоторая аморфность, характерная для достаточно аморфной стратегии, отсутствие четких критериев, что дает возможность различного рода интерпретациям.

Так, по мнению российских экспертов В. Белозерова и А. Соловьева, в дискурсе касательно термина гибридная война можно выделить три подхода. Первый подход основан на интерпретациях западных ученых и политиков,

которые используют это понятие в пропагандистских целях, указывая на Россию как инициатора гибридной войны, в первую очередь, на Украине. Вторая точка зрения отстаивает термин гибридная война как отражающий современные реалии военно-политических отношений. Третья точка зрения рассматривает понятие гибридной войны как способствующее пониманию современного военно-политического процесса, и также как часть проводимого информационного противоборства, затрагивающего и научную сферу, то есть в зависимости от контекста может быть научным понятием и «пропагандистским штампом».

Можно согласиться с В. Белозеровым и А. Соловьевым в том, что США и их союзники посредством Украины ведут необъявленную гибридную войну против России. Эта гибридная война затрагивает все сферы, и США нацелены именно на использование современного инструментария асимметричной борьбы против России[16]. К методам гибридной войны против России можно отнести «санкционную войну», вымышленные «химатаки» в Сирии, «допинговую войну» против российского спорта, «энергетическую войну», постоянное искажение фактов и провокации[17].

В целом, проведенный анализ выявил наличие значительного количества определений и описаний гибридной войны. Ее сущность заключается в комбинированном использовании комплекса факторов невоенного характера, включая технологические достижения, для воздействия на противника с возможным ограниченным использованием вооруженных сил. Такое вмешательство во внутренние дела другого государства часто носит скрытый характер, а само вмешательство отрицается. Гибридная война стала неотъемлемой частью современных конфликтов и всей системы международных отношений.

В то же время, использование комбинации военных и невоенных средств для достижения цели не является чем-то принципиально новым. Такой способ межгосударственного противоборства описывался еще в древности. Наиболее известным трактатом того времени является «Искусство войны» китайского стратега и мыслителя Сунь Цзы, жившего в VI веке до н. э. Он отмечал, что подобный способ войны ведет к минимализации затрат и максимализации результата, а лучшей стратегией является достижение победы над вражеской армией, «не сражаясь». По мнению китайских ученых, его стратегемы во многом составляют базис современной гибридной войны.

В начале XIX века К. фон Клаузевиц развивал идеи о войне как естественном продолжении политики. Он обосновывал идеи о том, что война не может заключаться только в противостоянии армий, но может включать обширный перечень способов и механизмов воздействия на противника в различных сферах. Война как продолжение политики должна быть под контролем и завершаться миром, в противном случае она может выйти «из-под контроля» и принести самые разрушительные последствия, как это было в случае с войнами Наполеона.

Между тем, как отмечает А.В. Тиханчев, «наполеоновские «методички» и агитационные листовки послужили прототипом такой составляющей информационной компоненты современной «гибридной войны», как её медийное сопровождение»[18].

XX век представил множество примеров противостояний подобного характера. Широко использовались такие методы в период революции в России 1917 г. и последовавшей за ним Гражданской войны. Ярким примером служит гражданская война в Испании. В период Второй мировой войны данные методы использовались обеими сторонами конфликта. В период холодной войны такие конфликты велись повсеместно, причем чаще всего при формальном соблюдении основных принципов международного права и соглашений о «невмешательстве». В это же время получили распространение частные военные компании – воссоздание в новой форме прежних наемных отрядов.

Опираясь на эти факты, некоторые исследователи делают вывод о том, что гибридная война не является отдельным видом межгосударственного противоборства[19]. Учитывая определенную правомерность такого подхода, необходимо обратить внимание, что составляющие гибридной войны применялись в ходе предыдущих вооруженных конфликтов. Однако в условиях стремительного развития научно-технического прогресса, информационных технологий и глобализации, межгосударственные отношения и противостояния приобрели принципиально новые формы. Изменились компоненты гибридной войны, соотношение тех или иных методов ее ведения.

Особое значение в современных условиях имеет глобализация и информационные технологии. Они стали наиболее перспективным и востребованным инструментом роста возможностей реализации внешнеполитических целей в рамках гибридной войны. В условиях глобализации значение информации резко возрас-

тает, хотя технологии информационного воздействия в той или степени применялись всегда[20].

Резко возросшая роль информации играет важную роль в понимании меняющихся форм гибридной войны. Э. Тоффлер указывает на информационный взрыв, который произошел в XX веке, спровоцировавший новую волну развития[21]. М. Кастельс отмечает, что генерирование, обработка и передача информации к настоящему времени превратились уже в основной источник власти[22].

Для понимания особенностей современной гибридной войны важным представляется понимание так называемого «цифрового разрыва», который существует на глобальном и региональном уровнях. Распространение Интернета и новых информационных технологий, формирование новой информационной экономики приводит к появлению «Интернет имущих» и «Интернет неимущих» и «цифровому разрыву» между ними. Это неравенство добавляется к имущественному и другим видам неравенства. Общества, которые имеют ограниченные возможности в цифровом мире, ограничены в получении новых знаний, и становятся «информационными маргиналами». Когда «неимущие» получают достаточный доступ к Интернету, «имущие» осваивают новые уровни киберпространства, тем самым «цифровой разрыв» сохраняется и даже возрастает.

Передача технологий от развитых стран к развивающимся актуализирует вопросы корреляции политической идеологии и культурного колониализма с технологическим ростом, поскольку те, кто приносит технологии в развивающиеся страны, обычно приходят со своей повесткой дня. Более взаимосвязанный мир становится важным фактором изменения формы противостояния.

Еще одним важным свойством гибридной войны является отрицание причастности агрессора к вооруженному конфликту, что существенно затрудняет полноценные ответные действия. Тем более в этой сфере международные документы носят исключительно декларационный характер и затрагивают только информационный сегмент, например, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН[23]. К настоящему времени не имеется действенных нормативно-правовых документов о пресечении гибридной агрессии, имеющих обязательный характер.

Как указал майор Т. Маккалох в своей монографии «Гибридная война», проблема заключается в разрыве между когнитивной логикой

определения и уникальностью каждого контекста, в котором проявляется гибридная война. Поэтому никакое определение адекватно не охватывает множество контекстов, которые различаются во времени, пространстве и логике[24].

Тем самым, в условиях правовой неопределенности, фактически невозможно дать правовую оценку действиям нападающей стороны в гибридной войне и определить степень ее международной ответственности. Более того, в современных условиях методы гибридной войны политизируют само международное право и правовую аргументацию.

Частью информационной политики в условиях гибридной войны становятся навязываемые двойные стандарты. В частности, в период «Арабской весны» президент США Б. Обама заявил об отстранении ливийского лидера М. Каддафи от власти как приоритетной цели государственной политики США, формулируя эту мысль как приверженность тому, чтобы Ливия принадлежала ливийскому народу, а не диктатору. В то же время, схожие по существу действия политических режимов в Бахрейне и Йемене игнорировались Вашингтоном, который сосредоточился на противодействии, в том числе, военном с участием НАТО.

Со своей стороны, начальник Генерального штаба Вооружённых Сил РФ генерал армии В. Герасимов указал, что в ходе «Арабской весны» произошло изменение характера вооруженной борьбы от классического вооруженного противостояния к гибриднему, суть которого состоит в скоординированном применении средств экономического, политического, дипломатического, информационного давления, а также использования военной мощи в интересах увеличения эффективности невоенных методов агрессии. При этом в боевых действиях, наряду с вооружёнными силами суверенных государств, участвуют различные бандформирования, экстремистские и террористические организации, частные военные компании и самопровозглашённые «квазигосударства» [25]. Отличительной чертой этих мероприятий является сокрытие реального заказчика, утаивание целей привлеченных формирований и отдельных лиц, особенно на начальном этапе агрессии, осуществлении перехода от политического протеста к вооруженному противостоянию.

В. Герасимов отмечает такие особенности гибридной войны, как нивелирование различий между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями, отсутствие постоянно

действующего фронта на всей территории противостоящего государства, а также массовое применение высокоточного оружия и роботизированных систем, сил специальных операций и внутренней оппозиции на фоне внезапности и последующей непрерывности действий[26].

Формирование «пятой колонны» внутри страны-противницы, под которой подразумеваются агенты влияния, подконтрольные противнику легальные и/или тайные оппозиционные группы, наращивание их социальной базы, использование различных иррегулярных вооруженных формирований является приоритетным направлением воздействия методов гибридной войны, в первую очередь, информационной составляющей. В современных условиях информационное воздействие осуществляется через систему образования в школах и ВУЗах, посредством деятельности представительств и филиалов иностранных некоммерческих организаций, активного использования возможностей сети Интернет, прежде всего, онлайн-СМИ и социальных сетей, которые чаще всего размещаются на серверах вне физической досягаемости правительств атакуемых стран[27].

В.Н. Акулинин и Н.С. Епифанова в статье «Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния» отмечают значительную роль выявления наиболее уязвимых мест в экономической, политической, социальной, информационной системах противника, а начало гибридной войны может происходить при сохранении формально дружественных отношений[28].

Таким образом, подводя итоги параграфу, можно сделать следующие выводы. Понятие гибридной войны является относительно новым в современной науке, однако как явление комбинация военных и невоенных факторов для достижения цели используется с древних времен. Особенностью гибридной войны как современной формы международных конфликтов является не только акцент на факторах невоенного характера, но и активное использование технологических достижений, формирование и развитие глобального информационного развития, процессов глобализации.

Проведенный анализ определений гибридной войны позволяет сделать вывод о том, что размытость и отсутствие четких и общепризнанных критериев отражает сущность этой специфической формы конфликта, при которой его протекание во многом зависит от контекста, в котором разворачиваются события, размываются и нивелируются различия между стадиями конфликта, границы легальной и нелегаль-

ной деятельности в условиях правовой неопределенности, а вмешательство может происходить при формальном сохранении дружественных отношений между странами и отрицается агрессором.

Гибридная война получила распространение в то время, когда происходит пересмотр основ сложившейся после холодной войны системы международных отношений, и во многом это отражает растущую неопределенность, которая окружает современную ситуацию в мире.

Литература

1. Hoffman F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. - Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. December. 12 p
2. Arsalan Bilal. Hybrid Warfare – New Threats, Complexity, and ‘Trust’ as the Antidote // Official site of NATO. 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html> (дата обращения: 21.08.2023)
3. Ruiz Palmer D. Back to the Future? Russia's Hybrid Warfare, Revolutions in Military Affairs, and Cold War Comparisons // Research Department – NATO Defense College. 2015. October № 120. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/194718/rp_120.pdf (дата обращения: 21.08.2023)
4. Isherwood M. Airpower for Hybrid Warfare. Mitchell Institute for Airpower studies. 2009. p.3
5. Janeen K. «Hybrid: A new paradigm for stability operations in failing states» // Defense Technical Information Center. March 30, 2007.
6. The Military Balance-2015 // IISS. 2015. February 2 p.
7. Gates R. "A Balanced Strategy: Reprogramming the Pentagon for a New Age," // Foreign Affairs, January/February 2009.
8. Kudors A. Guerre hybride: un nouveau défi de sécurité pour l'Europe. Note d'information. 2015.
9. Mason Clark. Russian Hybrid Warfare. // Understanding War, 2020. URL: <https://www.understandingwar.org/sites/default/files/Russian%20Hybrid%20Warfare%20ISW%20Report%202020.pdf> (дата обращения: 21.08.2023)
10. Joshua Ball. The Changing Face Of Conflict: What Is Hybrid Warfare? // Global Security Review, 2023. URL: <https://globalsecurityreview.com/hybrid-and-non-linear-warfare-systematically-erases-the-divide-between-war-peace/> (дата обращения: 21.08.2023)

11. Jovana Marović. Wars of Ideas: Hybrid Warfare, Political Interference, and Disinformation. // Carnegie Endowment for International Peace, 2019. URL:

<https://carnegieeurope.eu/2019/11/28/wars-of-ideas-hybrid-warfare-political-interference-and-disinformation-pub-80419>
<https://globalsecurityreview.com/hybrid-and-non-linear-warfare-systematically-erases-the-divide-between-war-peace/> (дата обращения: 21.08.2023)

12. Hybrid warfare. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/hybrid-warfare> (дата обращения: 21.08.2023)

13. John G.L.J. Jacobs, Martijn W.M. Kitzen. Hybrid Warfare. Oxford Bibliographies, 2021. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0260.xml> (дата обращения: 21.08.2023)

14. Комлева Н.А. Гибридная война: сущность и специфика. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2017. — Т. 12, № 3 (167). — С. 130.

15. Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/137/138> (дата обращения: 21.08.2023)

16. Белозёров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. Том 23. № 9. С. 5-11.

17. Панарин И.Н. Основы теории "гибридной войны". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-teorii-gibridnoy-voyny> (дата обращения: 21.08.2023)

18. Тиханычев А.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-voyny-novoe-slovo-v-voennom-iskusstve-ili-horosho-zabytoe-staroe> (дата обращения: 21.08.2023)

19. Першин Ю.Ю. Гибридная война: много шума из ничего // Журнал «Вопросы безопасности». 2019. № 4. — С. 78.

20. Глебова И. С. Развитие информационных технологий во внешнеполитической деятельности Российской Федерации: проблемы и перспективы: дисс... канд. полит. наук. — М., 2005. - С. 19.

21. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М. АСТ, 2003. —С. 37-38

22. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - С. 43

23. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 21 декабря 2009 года A/64/422/Add.3. 64/211. Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур; Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей A/65/405. 11 January 2011. 65/41. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности.

24. Timothy Mc Culloh-Richard Johnsonю "Hybrid Warfare", JSOU Report, 13-4, August 2013/ URL: www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA591803 (дата обращения: 21.08.2023)

25. Герасимов В.В. Векторы развития военной стратегии // Красная звезда. 04.03.2019. URL:

<http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii/>(дата обращения: 21.08.2023)

26. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении. // Электронный ресурс «Военно-промышленный курьер». 27.02.2013. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html(дата обращения: 21.08.2023)

27. Касюк А.Я. Информационно-психологические операции: история и современность // Журнал «Вестник московского государственного лингвистического университета. Общественные науки». 2018. № 1(794). – С. 26.

28. Акулинин В.Н.; Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Журнал «Национальные интересы: приоритеты и безопасность». 2015. №36(321). – С. 53.

Hybrid war as a form of interstate conflicts Dronov M.V.

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan. The article is devoted to the essence of the conflicts of the last two decades, which are characterized by complexity, ambiguity and asymmetry in the strategy and means used, called hybrid warfare. The article analyzes in detail the genesis of their origin. The fundamental principles of hybrid warfare are described, which consists in the combined use of a complex of non-military factors, including technological advances, to influence the enemy with the possible limited use of armed forces. In addition, the genesis of the origin of the hybrid war is analyzed in detail. Examples of such conflicts are given. It also shows opinions in the expert community about the prospects of this confrontation - is hybrid warfare a new form of warfare and should it qualify as a revolution in military affairs that will establish a new strategic paradigm.

Keywords: hybrid warfare, ambiguous warfare, non-linear warfare, contactless warfare, nth generation warfare, network-centric warfare, postmodern warfare.

References

1. Hoffman F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. - Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. December. 12p

2. Arsalan Bilal. Hybrid Warfare – New Threats, Complexity, and 'Trust' as the Antidote // Official site of NATO. 2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/11/30/hybrid-warfare-new-threats-complexity-and-trust-as-the-antidote/index.html> (date of access: 21.08.2023)
3. Ruiz Palmer D. Back to the Future? Russia's Hybrid Warfare, Revolutions in Military Affairs, and Cold War Comparisons // Research Department - NATO Defense College. 2015. October No. 120. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/194718/rp_120.pdf (Accessed 21.08.2023)
4. Isherwood M. Airpower for Hybrid Warfare. Mitchell Institute for Airpower studies. 2009.p.3
5. Janeen K. "Hybrid: A new paradigm for stability operations in failing states" // Defense Technical Information Center. March 30, 2007
6. The Military Balance-2015 // IISS. February 2, 2015
7. Gates R. "A Balanced Strategy: Reprogramming the Pentagon for a New Age," // Foreign Affairs, January/February 2009.
8. Kudors A. Guerre hybride: un nouveau défi de sécurité pour l'Europe. Note d'information. 2015.
9. Mason Clark Russian Hybrid Warfare. // Understanding War, 2020. URL: <https://www.understandingwar.org/sites/default/files/Russian%20Hybrid%20Warfare%20ISW%20Report%202020.pdf> (accessed 08/21/2023)
10. Joshua Ball. The Changing Face Of Conflict: What Is Hybrid Warfare? // Global Security Review, 2023. URL: <https://globalsecurityreview.com/hybrid-and-non-linear-warfare-systematically-erases-the-divide-between-war-peace/> (Accessed: 08/21/2023)
10. Jovana Marovic. Wars of Ideas: Hybrid Warfare, Political Interference, and Disinformation. // Carnegie Endowment for International Peace, 2019. URL: <https://carnegieeuropa.eu/2019/11/28/wars-of-ideas-hybrid-warfare-political-interference-and-disinformation-pub-80419> <https://globalsecurityreview.com/hybrid-and-non-linear-warfare-systematically-erases-the-divide-between-war-peace/> (accessed 08/21/2023)
12. Hybrid warfare. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/hybrid-warfare> (Accessed: 08/21/2023)
13. John G.L.J. Jacobs, Martijn W.M. kitzen. Hybrid Warfare. Oxford Bibliographies, 2021. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0260.xml>
14. Komleva N.A. Hybrid war: essence and specificity. // Proceedings of the Ural Federal university. Ser. 3, Social Sciences. - 2017. - T. 12, No. 3 (167). - S. 130.
15. Tsygankov P.A. "Hybrid war": political discourse and international practice. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/137/138> (date of access: 08/21/2023)
16. Belozerov V.K., Solovyov A.V. Hybrid war in the domestic political and scientific discourse // Power. 2015. Volume 23. No. 9. P. 5-11.
17. Panarin I.N. Fundamentals of the theory of "hybrid war". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-teorii-gibridnoy-voyny> (Date of access: 08/21/2023)
18. Tikhanychev A.V. Hybrid wars: a new word in military art or a well-forgotten old one? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-voyny-novoe-slovo-v-voennom-iskusstve-ili-horosho-zabytoe-staroe> (Date of access: 08/21/2023)
19. Pershin Yu.Yu. Hybrid Warfare: Much Ado About Nothing // Security Issues Journal. 2019. No. 4. - P. 78.
20. Glebova I. S. The development of information technologies in the foreign policy of the Russian Federation: problems and prospects: diss ... cand. polit. Sciences. - M., 2005. - S. 19.
21. Toffler E. Shock of the future: per. from English. / E. Toffler. - M. AST, 2003. -C. 37-38
22. Castells M. Information Age: Economics, Society, Culture. - M.: GU HSE, 2000. - C. 43
23. Resolution adopted by the General Assembly on 21 December 2009 A/64/422/Add.3. 64/211. Creating a global culture of cybersecurity and evaluating national efforts to protect critical information infrastructures; Resolution adopted by the General Assembly A/65/405. January 11, 2011. 65/41. Achievements in the field of informatization and telecommunications in the context of international security.
24. Timothy Mc Culloh-Richard Johnson, "Hybrid Warfare," JSOU Report, 13-4, August 2013/ URL: www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA591803 (Accessed: 21.08.2023)
25. Gerasimov V.V. Vectors of military strategy development // Krasnaya Zvezda. 03/04/2019. URL: <http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii/> (date of access: 21.08.2023)
26. Gerasimov V.V. The value of science is in foresight. // Electronic resource "Military-industrial courier". 02/27/2013. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (date of access: 08/21/2023)
27. Kasyuk A.Ya. Information-psychological operations: history and modernity // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences". 2018. No. 1(794). - S. 26.
28. Akulinin V.N.; Epifanova N.S. The concept of hybrid warfare in practice interstate confrontation // Journal "National Interests: Priorities and Security". 2015. No. 36(321). - S. 53.

Государственное управление в сфере содействия занятости

Чернова Ольга Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», 003987@pnu.edu.ru

Энгелис Александра Андреевна

студент юридического института, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», 2018101501@pnu.edu.ru

В статье на основе системно-структурного метода, методов анализа и системного подхода исследуются нормы действующего законодательства, регламентирующего организацию деятельности органов государственного управления в области содействия занятости населения. Авторами показана система и структура государственного управления в рассматриваемой сфере, установлены несоответствия между имеющимся системно-структурным механизмом управления и концептуальными подходами, определенными в период административной реформы исполнительных органов федерального уровня. Показан зарубежный опыт организации государственной службы занятости населения, в сопоставлении с отечественным. Представлены сведения о региональных органах управления отраслевой компетенции, действующих на территории Дальневосточного административного округа (Хабаровский, Приморский, Забайкальский края), их полномочиях и имеющихся проблемах правоприменительной практики.

Важное значение имеет установленная в работе проблематика правотворчества, неоднозначность используемых формулировок. Определены проблемы нормативно-правового регулирования, отражены предложения по совершенствованию норм права о занятости. Разработанные предложения по развитию нормативного регулирования могут быть востребованы в законотворческой деятельности.

Ключевые слова: занятость, законодательство о занятости, государственное управление, орган, органы государственного управления, исполнительные органы, организационная система, федеральная структура, компетенция, содействие занятости, правоприменительная практика.

В действующей Конституции [1] закреплена норма о том, что Российская Федерация является правовым и социальным государством. К тому же в основном законе заложены базовые правовые и организационные принципы функционирования субъектов государственного управления, это обязывает государственный аппарат к разработке и реализации не только национальной политики в социально-трудовой сфере, но и эффективной стратегии в области защиты граждан от вынужденной безработицы, в том числе мер по социальной поддержке.

Активную работу по проведению социальной политики обеспечивают действующие органы государственной власти, которые разрабатывают и реализуют программные мероприятия, ориентированные на помощь в трудоустройстве и эффективную защиту безработных граждан и других наиболее уязвимых категорий работников.

Государственные органы являются неотъемлемой частью любой социально-экономической системы. Они выполняют важную роль в обеспечении законности, защите прав граждан, регулировании экономических процессов, создании условий для развития общества.

Научно-теоретические основы осуществления государственного управления в сфере реализации политики в области занятости являются фундаментальными принципами, лежащими в основе формирования и реализации политики занятости.

На основе правовой доктрины определим термин «управление» следующим образом. Управление представляет собой целенаправленную и организованную деятельность, осуществляемую управляющими органами или субъектами, с целью руководства, контроля и достижения поставленных целей в соответствии с установленными принципами и закономерностями развития.

Государственное управление имеет особое значение среди всех прочих систем управления, поскольку представляет собой организованную деятельность государственных органов по регулированию и контролю всех сфер жизнедеятельности общества.

Государственное управление в области занятости представляет собой деятельность по осуществлению государственно-властных полномочий, посредством которой организована работа всех структурных элементов государственного аппарата в целях обеспечения эффективного его функционирования, а также содействия созданию и поддержанию рабочих мест для населения.

С учетом федеративного устройства нашего государства, система органов управления в сфере занятости включает следующих властных субъектов:

- федеральное Правительство;
- исполнительные государственные органы на федеральном уровне;
- исполнительные государственные органы на региональном уровне.

Следовательно, система – это целостная совокупность или единое объединение элементов, которые взаимосвязаны между собой и определенным образом выстроены в иерархических отношениях с учетом принципа федерализма. Система является родовой категорией по отношению к структуре органов, последняя считается видовым понятием и находится в зависимости от утвержденной системы органов. Структуру государственного управления в конкретной сфере в свою очередь составляют органы исполнительной власти с конкретными наименованиями, которые обеспечивают реализацию задач и полномочий, возложенных на Правительство РФ. По мнению ряда ученых именно структура становится платформой эффективной реализации возложенных на исполнительные органы функций и полномочий.

Еще в 1991 году законом РФ о занятости населения была образована государственная служба занятости. Эта структура объединила в себе как сами исполнительные органы федерального и регионального уровня управления (уполномоченные властные субъекты), так и государственные учреждения службы занятости (подведомственные им учреждения) [2].

Более подробно остановимся на действующей системе органов. Согласно нормативным актам Правительства РФ органов, наделенных полномочиями в указанной сфере несколько. Такими ведомствами являются Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России), а также Федеральная служба по труду и занятости (Роструд).

Министерство, как государственное учреждение, исполняет следующие функции: разработка и реализация политики государства, наряду с этим осуществляет правовое регулирование в сферах занятости, безработицы и

трудовой миграции [3]. Служба – это орган по надзору и контролю за исполнением общеобязательных предписаний правовых норм, который также предоставляет услуги гражданам и организациям в сфере содействия занятости населения [4].

Созданные федеральные службы свои полномочия осуществляют самостоятельно, а также с помощью своих территориальных органов в субъектах РФ.

Территориальные органы, образованные Рострудом, по-прежнему именуется государственными инспекциями труда (к примеру, приказ Роструда от 28.12.2009 № 462). Однако, Президент РФ в своем указе в федеральную систему органов исполнительной власти включил всего три возможных наименования видов органов: министерство, служба и агентство [5].

Кроме этого, на уровне федерального закона в 2001 году образована федеральная инспекция, образующая единую централизованную систему органов, и включающая в себя территориальные органы – государственные инспекции труда [6].

Заметим, что единство и централизация, как принципы, положенные в основу построения системы органов управления федерального уровня, характерны для системы органов внутренних дел, органов прокуратуры, ФСБ и таможенных органов. Создание такого рода федеральных систем исключает саму возможность образования органов управления в подобной сфере на региональном уровне.

Учитывая изложенное выше, полагаем необходимо привести положения Трудового кодекса РФ и положения о территориальном органе Роструда в соответствии с действующей системой федеральных исполнительных органов государственного управления, исключив из их наименований и содержания словосочетания федеральная инспекция труда, государственная инспекция труда.

Возвращаясь к компонентам структуры государственной службы занятости населения, отметим, что образующие данную Службу органы и учреждения, согласно осуществляемой ими деятельности, фактически уполномочены в области содействия занятости и выплате социальных выплат гражданам. На уровне федерации правотворчество по этим вопросам реализует Минтруд, он же, как структурный организующий элемент в образованной Службе, реализует контрольные полномочия в отношении региональных органов управления в сфере содействия занятости.

Интересен подход к структурному наполнению государственной службы занятости белорусского законодателя. По закону республики Беларусь деятельность Службы возглавляется профильным республиканским министерством и финансируется за счет государственного фонда содействия занятости. Министерство проводит государственную политику в области содействия занятости и координирует работу Службы по разным направлениям. Минтрудом России, как было отмечено ранее, координационный функционал не реализуется. В перечне подведомственных учреждений в белорусской Службе всего одно – государственное образовательное учреждение по подготовке, переподготовке и повышению квалификации [7].

Согласно Социальному Кодексу Республики Казахстан компетенцией по вопросам занятости наделены отраслевое республиканское министерство, местные исполнительные органы (региональные и районные комиссии), Центр развития трудовых ресурсов (оказывает услуги профильному министерству) [8].

В Республике Таджикистан государственная служба занятости, во-первых, имеет статус самостоятельного государственного органа управления при отраслевом министерстве. Во-вторых, в единую систему государственной службы занятости включены сама Служба, ее территориальные органы, Республиканский центр профессиональной ориентации, предприятия, организации и учебные центры [9].

На уровне субъектов РФ, уполномоченными должностными лицами образуются органы, наделенные специальной компетенции, которые в том числе выполняют делегированные им полномочия. К примеру, в Дальневосточном федеральном округе исполнительную распорядительную деятельность осуществляют такие органы, как: в Хабаровском крае – это комитет по труду и занятости населения, в Приморском и Забайкальском краях – соответствующие министерства (профессионального образования и занятости населения; труда и социальной защиты населения).

Функциональная направленность правоприменительной деятельности указанных органов в сфере занятости и содействия ей в основном тождественна. Они участвуют в реализации проектов в рамках федеральных и региональных программ, оказывают государственные услуги по установленному перечню, осуществляют переданные им полномочия по выплате социальных пособий. Указанные органы сами разрабатывают и реализуют свои собственные мероприятия по содействию занятости. Боль-

шой потенциал имеет осуществляемая контролирующим органом профилактическая работа по мониторингу рынка труда при высвобождении работников, а также принятию своевременных мер по содействию в их трудоустройстве и социальной адаптации. Кратко раскроем суть этих ключевых форм деятельности регионального органа:

- превентивный мониторинг направлен на выявление списка работодателей, подверженных риску увольнения работников, и определение списка работников, подлежащих увольнению;

- помощь в трудоустройстве высвобождаемым работникам в целях предотвращения массовой безработицы среди указанной категории граждан;

- социальная адаптация, как комплекс обучающих мероприятий, направленных на подготовку увольняемых работников к выходу на рынок труда.

Следовательно, органы специальной компетенции в области содействия занятости населения имеют ряд специализированных полномочий в области содействия занятости. Основная их задача заключается в реализации государственной политики, связанной с содействием занятости. Указанные органы выполняют разнообразные правоприменительные функции по выдаче разрешений, контролю за деятельностью работодателей по соблюдению трудового законодательства, поощрению профессионального обучения населения.

Важным направлением деятельности является также содействие самозанятости временно безработных граждан. Так, в Хабаровском крае в 2021 – 2022 годах отмечается динамика роста числа граждан, открывших собственное дело:

- граждане, уволенные с работы в связи с ликвидацией организации: 2021 г. – 24 чел.; 2022 г. – 77, +320,8%;

- женщины: 2021 г. – 229 чел.; 2022 г. – 417, +182,1%;

- граждане в возрасте от 18 до 29 лет: 2021 г. – 97 чел.; 2022 г. – 139, +143,3%;

- граждане, начавшие работать после длительного перерыва: 2021 г. – 69 чел.; 2022 г. – 116, +168,1%.

- родители несовершеннолетних детей: 2021 г. – 193 чел.; 2022 г. – 269, +139,4%;

- Собственный бизнес был открыт в таких сферах как: предоставление услуг населению, обрабатывающее производство, сельское хозяйство, оптовая и розничная торговля, ремонт автотехники и бытовых изделий, строительство [10].

При этом, анализ результатов административной практики региональных органов контроля позволил установить имеющиеся факты нарушения гражданами норм законодательства о занятости, когда последние стремятся получить пособие по безработице путем обмана. Приведем данные по Хабаровскому краю: 2020 г. – 1453 факта нарушения, 2021 – 927, 2022 – 418. Виды нарушений приведены на рис. 1 [10].

Рисунок 1 – нарушения, выявленные в Хабаровском крае.

В целях предупреждения подобных случаев целесообразно возложить на граждан дополнительную обязанность по информированию компетентного органа службы занятости населения не позднее трех рабочих дней, с момента отнесения к категории занятый либо самозанятый, закрепив ее в части 5 статьи 3 закона о занятости.

Подводя итог вышеизложенному, акцентируем внимание читателя на имеющихся недостатках законодательства, и необходимости их скорейшего решения. Требуется реорганизация государственной службы занятости, образованная в 1991 году, так как не коррелирует с образованной в стране системой и структурой федеральных органов управления. Роструд и его территориальные управления не могут образовывать единую централизованную систему органов в сфере занятости, поскольку в субъектах РФ образованы органы управления в данной сфере. Учитывая изложенное, необходимо внести изменения в федеральные акты, закрепляющие статус существующих органов и их систему. В рамках предстоящей реорганизации определенный интерес может иметь опыт ряда государств СНГ, приведенный в работе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации, принята 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 15. – Ст. 1691.

2. Закон о занятости населения в Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032- 1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 18. – Ст. 566.

3. Постановление Правительства РФ об утверждении Положения о министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации от 19.06.2012 № 610 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 26. – Ст. 3528.

4. Постановление Правительства РФ об утверждении Положения о федеральной службе по труду и занятости от 30.06.2004 № 324 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 28. – Ст. 2901.

5. Указ Президента РФ о системе и структуре федеральных органов исполнительной власти от 09.03.2004 № 314 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 11. – Ст. 945.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 3.

7. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18.02.2008 № 221 об утверждении Положения о государственной службе занятости населения // Служба занятости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gsz.gov.by/registration/legal-information/18/public-view/>

8. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20.04.2023 № 224-VII [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598&pos=4;-106#pos=4;-106.

9. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 10.05.2005 № 168 об утверждении Положения о Государственной службе занятости населения Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=11819

10. Комитет по труду и занятости населения //Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sz27.ru/> (дата обращения: 12.06.2023).

Public administration in the field of employment promotion

Chernova O.A., Engelis A.A.

Pacific National University

The article examines the norms of the current legislation regulating the organization of public administration activities in the field of promoting employment, based on a system structure method, analytical methods and a systemic approach. The authors show the system and structure of public administration in this area, the differences between the existing system-structural

administrative mechanism and the conceptual approaches defined during the administrative reform of executive bodies at the federal level were noted. The foreign experience of organizing the public employment service of the population is shown in comparison with the domestic one. Information is provided on the regional administrative bodies of professional competence in the territory of the Far Eastern Administrative District (Khabarovsk Territory, Primorsky Territory, Transbaikalia), their powers and the existing problems of enforcement practice.

The problem of law-making, the ambiguity of the formulations used, established in the work, is important.

The problems of regulatory regulation are identified in the work, proposals for improving the employment legislation of the Russian Federation were reflected. The developed proposals for improving the current legislation may be in demand during legislative activities.

Keywords: employment, employment legislation, public administration, body, bodies of state administration, bodies of executive power, organizational system, federal structure, competence, employment promotion, enforcement practice

References

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 15. - Art. 1691.
2. Law on employment of the population in the Russian Federation dated April 19, 1991 No. 1032-1 // Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation. - 1991. - No. 18. - Art. 566.
3. Decree of the Government of the Russian Federation on the approval of the Regulations on the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated June 19, 2012 No. 610 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2012. - No. 26. - Art. 3528.
4. Decree of the Government of the Russian Federation on the approval of the Regulations on the Federal Service for Labor and Employment dated June 30, 2004 No. 324 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2004. - No. 28. - Art. 2901.
5. Decree of the President of the Russian Federation on the system and structure of federal executive bodies of March 9, 2004 No. 314 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2004. - No. 11. - Art. 945.
6. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1. - Art. 3.
7. Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated February 18, 2008 No. 221 on approval of the Regulations on the State Employment Service // Employment Service [Electronic resource]. Access mode: <https://gsz.gov.by/registration/legal-information/18/public-view/>
8. Social Code of the Republic of Kazakhstan dated April 20, 2023 No. 224-VII [Electronic resource]. Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598&pos=4;-106#pos=4;-106.
9. Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated May 10, 2005 No. 168 on approval of the Regulations on the State Employment Service of the Republic [Electronic resource]. Access mode: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=11819
10. Committee on Labor and Employment of the Population // Official site [Electronic resource]. - Access mode: <https://sz27.ru/> (date of access: 06/12/2023).

Правовое регулирование прохождения судьями стажировок: российский и зарубежный опыт

Вуколова Александра Романовна

аспирант кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, avukolova@list.ru

Статья посвящена правовому регулированию прохождения судьями стажировок. В рамках статьи рассматривается эволюция практики стажировок, источники регулирования стажировок, а также обзор стажировок для судей в России и за рубежом. Особое внимание уделено сравнительному анализу эффективности стажировок в России и за рубежом.

Цель статьи - проанализировать роль стажировок в повышении профессиональных навыков судей и эффективности правосудия. Для достижения цели статьи были поставлены следующие задачи: рассмотреть основные направления развития стажировок в юриспруденции, проанализировать эффективность стажировок для судей, выявить преимущества и недостатки стажировок и предложить рекомендации по их усовершенствованию.

В ходе исследования был проведен обзор литературы, включающий научные статьи, монографии, законодательные акты и официальные документы. Также был использован метод сравнительного анализа для определения различий в практике стажировок в России и за рубежом.

Результаты исследования показали, что стажировки для судей имеют большое значение для повышения качества правосудия и развития профессиональных навыков судей. Однако, эффективность стажировок зависит от их организации и содержания. В этой связи, были предложены рекомендации по улучшению стажировочных программ для судей.

Обзор стажировок для судей является актуальной темой для научного и практического исследования в юридической области, так как стажировки играют важную роль в процессе повышения квалификации и профессионального развития судей.

Ключевые слова: стажировки для судей, правоприменительная практика, повышение квалификации, обмен опытом, эффективность стажировок.

В современном мире статус судьи является важнейшим составляющим элементом судебной системы государства. В связи с этим повышение качества дополнительного профессионального образования судей – это приоритетное направление совершенствования судебной системы. Одним из инструментов дополнительного профессионального образования судей являются стажировки.

Статья рассматривает вопросы правового регулирования прохождения судьями стажировок в России и за рубежом (Киргизия, Белоруссия, Казахстан и Армения).

Тема правового регулирования прохождения судьями стажировок является малоисследованной, что позволяет сделать вывод об актуальности и теоретической значимости избранной темы. Правовые вопросы прохождения судьями стажировок были затронуты в исследованиях Н.К. Жуковой [6] и Э.Б. Аблаева [7]. С.И. Пухнарович неоднократно поднимал тему изучения правовых форм обучения судей по программам дополнительного профессионального образования судей [8].

В научных трудах Бурдиной Е.В. большое внимание уделяется современным трендам дополнительного профессионального образования судей в рамках сравнительного анализа российского и зарубежного опыта. Стоит отметить позицию Бурдиной Е.В. о том, что непрерывная судейская карьера, гарантированная законом, предопределяет публичную значимость вопросов о компетентности судьи при прохождении разных периодов службы [9].

Начиная с древних цивилизаций и заканчивая современными днями, стажировки были неотъемлемой частью образования и профессионального развития в области права. В Древнем Риме, стажировки были обязательным этапом в обучении праву. Студенты учились у известных юристов, получали необходимый опыт и знания, которые позволяли им позже работать в качестве адвокатов или судей.

С развитием индустриальной революции в XIX веке, стажировки получили новое значение в юридической профессии. Большинство судов и компаний требовали, чтобы молодые юристы имели опыт работы в профессии, прежде чем они могли получить статус адвоката или судьи.

В этот период появилась практика прохождения стажировки в юридических фирмах, судах и государственных учреждениях.

В XX веке стажировки в юриспруденции приобрели более официальный статус. Были созданы программы стажировок, предназначенные для подготовки юристов в конкретной области права.

В настоящее время практика стажировок в юриспруденции продолжает развиваться. Источники регулирования стажировок в юриспруденции могут различаться в зависимости от страны и юридической системы. Одним из наиболее важных источников регулирования стажировок являются законодательные акты, устанавливающие требования и стандарты для программ стажировок.

Стажировки судей в России – это обучающие программы, которые позволяют судьям углубить свои знания и навыки в определенных областях права, и получить новые компетенции для эффективного использования при исполнении своих обязанностей в должности судьи.

В законодательстве Российской Федерации стажировка судей рассматривается в качестве одного из способов повышения квалификации как для впервые назначенного на должность судьи, так и для судьи, проходящего повышение квалификации по истечении определенного срока.

Стажировка судей в России для впервые назначенных на должности федеральных судей проводится на базе федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов.

Согласно положениям статьи 20.1 Федерального закона от 26 июня 1992 г. № 3132-ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» судья федерального суда, впервые назначенный на должность судьи, проходит обучение по программе профессиональной переподготовки в образовательных организациях высшего образования и организациях дополнительного профессионального образования, осуществляющих дополнительное профессиональное образование судей, в том числе в форме стажировки в суде.

О стажировке действующих судей упоминается в Положении о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденным постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года, с учетом внесенных постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2019 года, от 22 июля 2020 года (далее – Положение), которое определяет понятие

стажировки как самостоятельный вид дополнительного профессионального образования судей, организуемый Верховным Судом Российской Федерации, кассационными судами общей юрисдикции, кассационным военным судом, апелляционными судами общей юрисдикции, апелляционным военным судом, верховными судами республик, краевыми и областными судами, судами городов федерального значения, автономной области и автономных округов, окружными (флотскими) военными судами, арбитражными судами округов, арбитражными апелляционными судами, арбитражными судами субъектов Российской Федерации, специализированными арбитражными судами.

Следует отметить, что федеральным законодательством не регламентирован порядок и сроки прохождения действующим судьей стажировки, а также иные вопросы, актуальные для практической организации стажировок и повышения их эффективности, что является назревшим вопросом для обсуждения.

Порядок прохождения стажировки в рамках подготовки впервые назначенных судей урегулирован в Положении о стажировке судей, впервые назначенных на должности судей федеральных судов, обучающихся по программам дополнительного профессионального образования в Российском государственном университете правосудия (далее – Положение Университета), утвержденном Ректором Университета 7 марта 2017 года и согласованном с первым заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации, председателем Совета Судей Российской Федерации, Генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Однако порядок прохождения стажировки действующих судей с момента издания Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» законодательно не определен. Регулирование этого вопроса зависит от региона и определяется самостоятельно на местах руководителями судов.

Таким образом, возникает необходимость подготовки единого целостного порядка прохождения стажировки, что способствует обеспечению комплексного регулирования вопросов получения судьями федеральных судов дополнительного профессионального образования с целью определения: процедуры направления на стажировку судьи, сроков направления на стажировку судьи, требований к суду, где планируется проводиться стажировка.

ровка судьи и к наполнению программы прохождения стажировки судьи, возможности организации прохождения стажировки под руководством более опытных судей суда, осуществляющих правосудие в рамках того же вида судопроизводства, что и судья, планируемый к прохождению стажировки.

Программы стажировок предусматривают участие в различных судебных процессах, изучение судебной практики в разных областях права и позволяют судьям узнать, как работают другие суды. Стажировки могут быть как короткими (до нескольких недель), так и длительными (до полугода). В рамках стажировок для судей в России судьи могут получить практический опыт, изучить новые аспекты правовой науки и практики, и расширить свои профессиональные контакты.

Некоторые из видов стажировок в странах СНГ (Киргизия, Белоруссия, Казахстан и Армения) ориентированы на обучение кандидатов в судьи, а не уже действующих судей.

Например, в Киргизии стажировка будущих судей проводится в учебных центрах и может продлиться до двух лет. В ходе стажировки кандидаты в судьи изучают судебное делопроизводство, принципы правосудия, и получают опыт работы в судах под руководством опытных коллег. [3].

В Белоруссии стажировка – это часть специальной подготовки кандидата на должность судьи, которая заключается в реализации образовательной программы специальной подготовки, необходимой для занятия должности судьи, и включает в себя обучение сроком до одного года в учреждении образования с совмещенной стажировкой в одном из судов общей юрисдикции, в котором имеются вакантная должность судьи или должность стажера судьи, под руководством судьи, назначенного Председателем Верховного Суда Республики Беларусь. [6]. Об этом прямо говорится в статье 80 Кодекса Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей» от 29 июня 2006 года.

В Казахстане стажировка кандидатов в судьи проводится в учебных центрах и длится около года. Она направлена на изучение судебного делопроизводства, правовых норм и процедур, и на получение опыта работы в судах [2]. Статья 29 Конституционного закона Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132 «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» закрепила обязательное требование для судей - успешное прохождение стажировки и получение положительного отзыва пленарного заседания суда [7].

В Армении стажировка судей проводится в учебных центрах и может продлиться от полугода до года. Во время стажировки судьи изучают судебное делопроизводство, правовые нормы и процедуры, и работу судов [4].

Сравнительный анализ стажировок для судей в России и странах СНГ показывает, что существуют как сходства, так и различия в организации программ, их направленности, продолжительности и качестве. Общими чертами этих стажировок является их направленность на повышение квалификации и профессиональных навыков судей, и участие в различных судебных процессах, изучение правовой практики и получение опыта работы в судебной системе.

Одним из главных отличий является то, что стажировки в вышеперечисленных странах направлены на обучение будущих судей, когда как в России стажировку проходят уже официально назначенные на должность судьи или уже действующие судьи.

Другое отличие проявляется в продолжительности обучения. В России стажировка для судей может длиться до полугода, тогда как в вышеперечисленных странах она может продолжаться гораздо дольше.

Существенное различие заключается в направленности программ. В России стажировки часто ориентированы на изучение российского законодательства и правовой практики в России, тогда как за рубежом программа стажировок может быть направлена на изучение международного права и правовых систем разных стран.

Не менее важно понимать, каким образом оценивать эффективность стажировок для судей. Изучение результатов проведенных стажировок показывает, что они действительно могут привести к существенному повышению профессионального уровня судей и улучшению их работы. Существует необходимость в совершенствовании программ стажировок и разработке новых методов оценки их эффективности для дальнейшего совершенствования данного важного инструмента в профессиональном развитии судей.

Примером эффективности стажировок может служить проведенная в Арбитражном суде Дальневосточного округа стажировка судей и работников аппаратов судов округа. В рамках мероприятия были обсуждены актуальные вопросы правоприменительной практики, связанные с энергоснабжением, земельными отношениями, правом собственности и банкротством. Участники стажировки имели возможность обменяться опытом и узнать о лучших практиках работы других судов [1]. В данном случае под

эффективностью стажировки следует понимать ее способность обеспечить обмен опытом и знаниями между судьями и работниками аппаратов судов разных регионов, и предоставить им актуальную информацию и лучшие практики в области правоприменения.

Другим успешным примером организации профессиональной переподготовки судей в России может послужить факультет повышения квалификации и переподготовки судей и государственных гражданских служащих арбитражных судов ФГБОУВО «РГУП», который был назначен организовать обучение 720 человек в составе 12 групп судей, впервые назначенных на должности судей федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, согласно плану профессиональной переподготовки судей на 2022 год.

В итоге более 745 человек успешно прошли обучение по программам профессиональной переподготовки с использованием дистанционных образовательных технологий, что превысило план на 103,4%. Это свидетельствует о высокой эффективности и успешности реализации программ повышения квалификации судей в России.

Для того чтобы программы были более эффективными, необходимо совершенствовать их содержание и методику проведения.

Одним из главных предложений по совершенствованию программ стажировок для судей является увеличение количества практических занятий. Вместо теоретических лекций и семинаров, стажировки должны включать в себя более широкий спектр форм, таких как работа в судебных коллегиях, участие в рассмотрении сложных дел и другие формы, которые помогут судьям улучшить свои навыки и знания.

Также важно, чтобы программы стажировок были более индивидуализированы. Каждый судья имеет свои уникальные потребности и интересы, поэтому программы стажировок должны учитывать эти факторы и предоставлять индивидуальный подход к каждому участнику.

Для повышения эффективности стажировок необходимо улучшить систему оценки результатов. Результаты стажировок должны оцениваться не только на основе формальных критериев, таких как участие в программах, но и на основе реальных изменений в работе судьи после окончания стажировки.

В заключении статьи можно отметить, что стажировки для судей играют важную роль в повышении квалификации и эффективности работы судебной системы.

Необходимо постоянно совершенствовать практику проведения стажировок для судей, с учетом современных тенденций и потребностей судебной системы. Для этого можно использовать новые методы обучения, внедрять современные технологии и проводить более детальное исследование результатов стажировок.

Таким образом, стажировки для судей являются необходимым элементом профессиональной подготовки и повышения квалификации судебной системы. Регулярное проведение стажировок, усовершенствование программ и методик обучения, и анализ результатов обучения и эффективности стажировок помогут улучшить работу судебной системы в целом.

Литература

1. «Стажировка судей и работников аппаратов судов, входящих в Дальневосточный округ» [Электронный ресурс] // Федеральный арбитражный суд Дальневосточного округа. - URL: <https://fasdvo.arbitr.ru/node/14074> (дата обращения: 05.04.2023).

2. Типовая Программа прохождения стажировки кандидатов в судьи [Электронный ресурс] // Законодательство Республики Казахстан. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/R01000299S_ (дата обращения: 12.04.2023).

3. О статусе судей Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Президент Кыргызской Республики. - URL: https://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/zakonoproekty/o_statuse_sudey_kyrgyzskoy_respubliki (дата обращения: 12.04.2023).

4. Профессиональные судебные системы [Электронный ресурс] // Совет Европы. - URL: <https://rm.coe.int/-/168078b183> (дата обращения: 12.04.2023).

5. [Электронный ресурс] // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0600139> – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.

6. Жукокова Н.К. Подготовка и повышение квалификации судей: сравнительный анализ законодательства России, Казахстана и Белоруссии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-i-povyshenie-kvalifikatsii-sudey-sravnitelnyy-analiz-zakonodatelstva-rossii-kazahstana-i-belorussii> (дата обращения: 01.05.2023).

7. Аблаева Э.Б. Профессиональное обучение судей как одно из приоритетных направлений совершенствования судебной системы

Республики Казахстан // Lex Russica. 2018. №3 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-obuchenie-sudey-kak-odno-iz-prioritetnyh-napravleniy-sovershenstvovaniya-sudebnoy-sistemy-respubliki-kazahstan> (дата обращения: 01.05.2023).

8. Пухнарович С. И. Правовые формы обучения судей по программам дополнительного профессионального образования: понятие, виды, содержание // Российское правосудие. 2020. № 11. С. 41–46. doi: <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2020.11.41-46>.

9. Бурдина Е. В., Александров С. В. Современные тренды дополнительного профессионального образования судей: российский и зарубежный опыт // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 4. С. 771–786. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.109.026.202204.771-786>

Legal regulation of internships for judges: Russian and foreign experience **Vukolova A.R.**

Russian State University of Justice

The article is devoted to the legal regulation of internships for judges. The article examines the evolution of the practice of internships, sources of regulation of internships, as well as an overview of internships for judges in Russia and abroad. Particular attention is paid to a comparative analysis of the effectiveness of internships in Russia and abroad.

The purpose of the article is to analyze the role of internships in improving the professional skills of judges and the effectiveness of justice. To achieve the goal of the article, the following tasks were set: to consider the main directions for the development of internships in jurisprudence, to analyze the effectiveness of internships for judges, to identify the advantages and disadvantages of internships and to offer recommendations for their improvement.

During the study, a literature review was conducted, including scientific articles, monographs, legislative acts and official documents. The method of comparative analysis was also used to determine the differences in the practice of internships in Russia and abroad.

The results of the study showed that internships for judges are of great importance for improving the quality of justice and developing the professional skills of judges. However, the effectiveness of internships depends on their organization and content. In this regard, recommendations were made to improve internship programs for judges.

The review of internships for judges is a relevant topic for scientific and practical research in the legal field, since internships play an important role in the process of professional development and professional development of judges.

Keywords: internships for judges, law enforcement practice, advanced training, exchange of experience, effectiveness of internships.

References

1. "Training of judges and employees of courts belonging to the Far Eastern District" [Electronic resource] // Federal Arbitration Court of the Far Eastern District. - URL: <https://fasdvo.arbitr.ru/node/14074> (date of access: 04/05/2023).
2. Typical Program for the internship of candidates for judges [Electronic resource] // Legislation of the Republic of Kazakhstan. - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/R01000299S_ (date of access: 04/12/2023).
3. On the status of judges of the Kyrgyz Republic [Electronic resource] // President of the Kyrgyz Republic. - URL: https://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/zakonopr-oekty/o_status_e_sudey_kyrgyzskoy_respubliki (date of access: 04/12/2023).
4. Professional judicial systems [Electronic resource] // Council of Europe. - URL: <https://rm.coe.int/-/168078b183> (date of access: 04/12/2023).
5. [Electronic resource] // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0600139> – National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus.
6. Zhukokova N.K. Training and advanced training of judges: a comparative analysis of the legislation of Russia, Kazakhstan and Belarus // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2015. No. 2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-i-povyshenie-kvalifikatsii-sudey-sravnitelnyy-analiz-zakonodatelstva-rossii-kazahstana-i-belorussii> (Date of access: 05/01/2023).
7. Ablaeva E.B. Professional training of judges as one of the priority areas for improving the judicial system of the Republic of Kazakhstan // Lex Russica. 2018. No. 3 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-obuchenie-sudey-kak-odno-iz-prioritetnyh-napravleniy-sovershenstvovaniya-sudebnoy-sistemy-respubliki-kazahstan> (date of access: 05/01/2023).
8. Pukhnarevich S. I. Legal forms of training judges in additional professional education programs: concept, types, content // Russian justice. 2020. No. 11. P. 41–46. doi: <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2020.11.41-46>.
9. Burdina E. V., Aleksandrov S. V. Modern trends in additional professional education of judges: Russian and foreign experience // Education Integration. 2022. V. 26, No. 4. S. 771–786. doi: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.109.026.202204.771-786>

Актуальные проблемы рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в третейских органах

Ржепик Ярослав Николаевич

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», yaroslav.rzhepik@yandex.ru

В настоящей статье исследуются актуальные проблемы рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров. Изменения, внесенные 31.07.2020 в ТК РФ и ГПК РФ определили вопрос возможности отнесения исследуемой категории споров к компетенции третейских органов. Однако в действующем законодательстве по-прежнему существуют определенные проблемы. Предложенные в законопроекте № 227251-8 изменения подвергаются критике и обосновывается нецелесообразность их принятия. В заключении делается вывод о том, что внесение изменений в действующие нормы, регулирующие рассмотрение индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров должны быть обоснованными и приниматься с учетом прогнозирования их правоприменительной практики.

Ключевые слова: трудовое право; индивидуальные трудовые споры; органы рассмотрение индивидуальных трудовых споров; третейский суд; спортсмены; тренеры.

Федеральным законом от 31.07.2020 N 246-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи индивидуальных трудовых споров спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений на рассмотрение третейских судов» [3] в ст. 348.13 Трудового кодекса Российской Федерации [2] (далее – ТК РФ) были внесены изменения, которые устранили существенную коллизию между ТК РФ и Федеральным законом от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [4] в части возможности передачи индивидуальных трудовых споров на рассмотрение третейских судов.

Аналогичные изменения, допускающие передачу указанных индивидуальных трудовых споров в третейские органы, были внесены в ст. 22.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) Федеральным законом от 31.07.2020 N 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [5].

Внесенные изменения прекратили многолетний спор в юридической литературе относительно правомерности или неправомерности рассмотрения индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в третейских судах.

Однако следует признать, на практике, споры о подведомственности третейских органов возникали не часто. Обусловлено это прежде всего так называемым навязыванием третейских оговорок.

Исследователь С.А. Юрлов отмечает, спортсмены, трудовая функция которых заключается в подготовке к спортивным соревнованиям и участии в спортивных соревнованиях по определенному виду или видам спорта, не согласившись с третейской оговоркой, фактически будут лишены права выступать на профессиональном уровне [12].

Причиной указанной выше проблемы служит достаточно уязвимое положение спортсменов, которым, для реализации своей трудовой

функции, в том числе, для участия в профессиональных соревнованиях, необходимо признавать и соблюдать регламентные нормы спортивных федераций и профессиональных лиг. Данными нормами, в том числе, устанавливается единый для всех спортсменов механизм рассмотрения споров.

Одним из наиболее значимых примеров из практики, в котором рассматривалась данная проблематика, следует признать дело «Муту и Пехштайн против Швейцарии». Европейский суд по правам человека в Постановлении от 2 октября 2018 г.р. установил, принятие арбитражной оговорки было единственной возможностью для спортсменки осуществлять свою трудовую функцию по участию в соревнованиях [8].

Изменения, внесенные в ТК РФ и ГПК РФ, безусловно, следует признать признаком положительной динамики, однако в исследуемой теме по-прежнему достаточно актуальных проблем.

2 ноября 2022 г. депутатом Р.И. Терюшковым и сенатором Э.В. Исаковым в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект федерального закона «О признании утратившей силу статьи 36.4 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [7].

Авторами указанного законопроекта предлагалось признать утратившей силу статью 36.4 Закона о спорте, предусматривающую возможность передачи спортивных споров, в том числе, индивидуальных трудовых споров, на рассмотрение в иностранное арбитражное учреждение.

В обоснование необходимости принятия изменений в пояснительной записке авторы отмечают, что главным международным арбитражным учреждением в сфере спорта является Спортивный арбитражный суд г. Лозанна, Швейцарии (CAS), который учрежден и финансируется Международным олимпийским комитетом (МОК).

Согласно ст. 2.5 и ст. 2.6 Олимпийской хартии миссия МОК состоит, в том числе:

- принятии мер, направленных на укрепление единства олимпийского движения, защиту его независимости, выполнение и продвижение его политического нейтралитета, а также сохранение автономии спорта;
- противостоянии любому политическому или коммерческому использованию спорта и спортсменов [1].

Однако, как отмечают авторы законопроекта, указанные базовые принципы последовательно не выполняются в отношении большинства российских спортсменов и команд.

В пояснительной записке в качестве довода в пользу принятия изменений также отмечается, что международные и национальные спортивные федерации принуждают спортсменов принять третейскую оговорку на передачу споров в CAS, а решения лозаннского арбитража, как указывают представители органов законодательной власти, не подлежат оспариванию.

Однако доводы, обосновывающие необходимость признания утратившей силу ст. 36.4 Закона о спорте представляются не обоснованными ввиду следующих причин. Во-первых, процедура оспаривания решений CAS как третейского органа, располагающегося на территории Швейцарии, предусмотрена Федеральным законом Швейцарии «О международном частном праве» от 18 декабря 1987 г. (далее – Закон о МЧП Швейцарии), который, в частности, устанавливает основания для отмены решений арбитражей [6].

В соответствии с ч. 1 ст. 190 Закона о МЧП Швейцарии решение является окончательным с момента его сообщения сторонам. Согласно ч. 2 ст. 190 данного закона решение может быть оспорено только в следующих случаях:

- а) если был нарушен порядок назначения единоличного арбитра или порядок формирования арбитража;
- б) если третейский суд ошибочно объявил себя компетентным или некомпетентным;
- с) если в своем решении третейский суд вышел за пределы исковых требований либо не выразил своего отношения к какому-либо из исковых требований;
- д) если в ходе арбитражного разбирательства было нарушено равенство сторон или их право излагать свою позицию в состязательном процессе;
- е) если решение несовместимо с публичным порядком.

В тоже время необходимо отметить, что подавляющее большинство обращений в Федеральный суд Швейцарии с просьбой об отмене решений CAS были оставлены без удовлетворения.

Рассматривая немногочисленные примеры из судебной практики Федерального суда Швейцарии, в которых полностью или частично отменялись решения CAS, следует обратить внимание на дело наездника Эльмара Гунделя.

В феврале 1992 года спортсмен подал апелляцию в CAS на решение, вынесенное в отношении него Международной федерацией конного спорта (FEI). За нахождение в допинг-пробе лошади запрещенной субстанции в отношении наездника была вынесена санкций в

виде дисквалификации и штрафа. По итогам рассмотрения дела в CAS 15 октября 1992 г. дисквалификация спортсмена была сокращена с трех месяцев до одного [10].

С указанным решением наездник не согласился и подал апелляцию в Федеральный суд Швейцарии. Заявитель утверждал, что арбитраж, рассмотревший дело, не отвечал условиям беспристрастности и независимости.

Рассматривая жалобу Федеральный суд Швейцарии установил достаточный уровень автономии CAS от Международной федерации конного спорта [9]. В тоже время суд признал наличие многочисленных связей между CAS и МОК, что было обосновано следующими аргументами:

- CAS финансировался почти исключительно МОК;
- МОК был уполномочен вносить изменения в Статут CAS;
- наличие значительных полномочий, предоставленных МОК и его президенту по назначению членов CAS.

В заключении суд отметил, что вышеназванных аргументов достаточно, чтобы поставить под сомнение независимость CAS в случае, если МОК будет являться стороной разбирательства. Таким образом, CAS должен быть более независимой от МОК как в организационном, так и в финансовом плане.

Данный прецедент послужил основанием для проведения масштабной реформы CAS. Вскоре был создан Международный спортивный арбитражный совет (ICAS), который взял на себя функции контроля за работой и финансированием CAS, тем самым заняв место МОК. Рассмотрение споров стало производиться в рамках двух инстанций: Обычный арбитражной палаты и Апелляционной арбитражной палаты, что позволило провести четкое разграничения между производством в первой и апелляционной инстанциях.

Таким образом, несмотря на действие закрытого перечня оснований для отмены решений CAS и небольшое количество примеров, в которых суд их применял, сама процедура оспаривания решений существует.

Продолжая исследовать указанный законопроект следует обратить внимание на то, что изменения были предложены лишь в Закон о спорте. При этом ГПК РФ и ТК РФ, предусматривающие возможность передачи индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров в арбитражное учреждение, в том числе, иностранное, не упоминаются.

Следует согласиться с доводами Заключения Комитета ГД ФС РФ по физической куль-

туре и спорту «По проекту федерального закона N 227251-8 «О признании утратившей силу статьи 36.4 Федерального закона "О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в которых обосновывается, что принятие данного законопроекта может повлечь риски, связанные с признанием России стороной, нарушившей международные обязательства и с принятием дополнительных санкций. По итогам рассмотрение данного законопроекта в Государственной Думе было принято решение о его отклонении.

Как справедливо отмечается юридической литературе, принятие законопроекта N 227251-8 могло бы послужить импульсом к постепенному полному переходу индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров к компетенции судов общей юрисдикции [11]. Однако такую тенденцию тоже нельзя признать положительной ввиду того, что зачастую при разбирательстве указанных споров в судах общей юрисдикции возникают проблемы с применением регламентных норм спортивных федераций и профессиональных спортивных лиг. В тоже время, в практике рассмотрения индивидуальных трудовых споров в третейских органах и юрисдикционных органах спортивных организаций таких проблем практически не возникает.

Таким образом, внесение изменений в действующие нормы, регулирующие рассмотрение индивидуальных трудовых споров спортсменов и тренеров должны быть обоснованными и приниматься с учетом прогнозирования их правоприменительной практики.

Литература

1. Олимпийская хартия [Электронный ресурс]. URL: <https://olympics.com/ioc/documents> (дата обращения: 15.07.2023).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 246-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи индивидуальных трудовых споров спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений на рассмотрение третейских судов». Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. N 31 (часть I). Ст. 5005.
4. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 10.12.2007. N 50. Ст. 6242.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 N 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и статьи 3 и 22.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. N 31 (часть I). Ст. 5004.

6. Федеральный закон Швейцарии «О международном частном праве» от 18 декабря 1987 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901> (дата обращения: 9.07.2023).

7. Проект Федерального закона N 227251-8 «О признании утратившей силу статьи 36.4 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/227251-8#bh_histras (дата обращения: 15.07.2023).

8. Постановление Европейского суда по правам человека от 2 октября 2018 г.р. по делу «Муту и Пехштайн против Швейцарии» [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#%22fulltext%22:%22Claudia%20Pechstein%22] (дата обращения: 20.07.2023).

9. Решение Федерального суда Швейцарии от 15 марта 1993 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tas-cas.org/en/general-information/history-of-the-cas.html> (дата обращения: 19.07.2023).

10. CAS 92/63 G. v. FEI [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tas-cas.org/en/general-information/history-of-the-cas.html> (дата обращения: 19.07.2023).

11. Алексеев С.В., Каменков В.С., Мельник В.Н. Гармонизация системы органов рассмотрения и разрешения спортивных споров // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. N 6. С. 3 – 8 // СПС «Консультант Плюс».

12. Юрлов С.А. Ключевые проблемы защиты прав спортсмена // Закон. 2020. N 8. С. 51 - 60 // СПС «КонсультантПлюс».

Actual problems of consideration of individual labor disputes of athletes and coaches in arbitration bodies Rzepik Ya.N.

National Research University «Higher School of Economics» This article examines the actual problems of consideration of individual labor disputes of athletes and coaches. The amendments made on 31.07.2020 to the Labor Code of the Russian Federation and the CPC of the Russian Federation determined the issue of the possibility of assigning the category of disputes under study to the competence of arbitration bodies. However, there are still certain problems in the current legislation. The

amendments proposed in Bill No. 227251-8 are criticized and the inexpediency of their adoption is justified. In conclusion, it is concluded that amendments to the current norms governing the consideration of individual labor disputes of athletes and coaches should be justified and taken into account the prediction of their law enforcement practice.

Keywords: labor law; individual labor disputes; bodies considering individual labor disputes; arbitration court; athletes; coaches.

References

1. Olympic Charter [Electronic resource]. URL: <https://olympics.com/ioc/documents> (date of access: 15.07.2023).
2. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 N 197-FZ. Collection of legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. N 1 (Part 1). Article 3.
3. Federal Law No. 246-FZ of 31.07.2020 «On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation regarding the Transfer of Individual labor disputes of athletes, coaches in professional sports and sports of higher achievements to arbitration courts». Collection of legislation of the Russian Federation. 03.08.2020. N 31 (part I). St. 5005.
4. Federal Law No. 329-FZ of 04.12.2007 «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation». Collection of legislation of the Russian Federation. 10.12.2007. N 50. St. 6242.
5. Federal Law of 31.07.2020 N 245-FZ «On Amendments to the Federal Law «On Physical Culture and Sport in the Russian Federation» and Articles 3 and 22.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation». Collection of legislation of the Russian Federation. 03.08.2020. N 31 (part I). St. 5004.
6. Swiss Federal Law «On Private International Law» of December 18, 1987 [Electronic resource] // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901> (date of access: 9.07.2023).
7. Draft Federal Law No. 227251-8 «On Invalidation of Article 36.4 of the Federal Law «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/227251-8#bh_histras (date of access: 07/15/2023).
8. The ruling of the European Court of Human Rights of October 2, 2018 in the case «Mutu and Pehstein v. Switzerland» [Electronic resource]. URL: https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#%22fulltext%22:%22Claudia%20Pechstein%22] (date of access: 07/20/2023).
9. Decision of the Swiss Federal Court of March 15, 1993 [Electronic resource] // URL: <https://www.tas-cas.org/en/general-information/history-of-the-cas.html> (date of access: 07/19/2023).
10. CAS 92/63 G. v. FEI [Electronic resource] // URL: <https://www.tas-cas.org/en/general-information/history-of-the-cas.html> (date of access: 07/19/2023).
11. Alekseev S.V., Kamenkov V.S., Melnik V.N. Harmonization of the system of bodies for consideration and resolution of sports disputes // Arbitration and civil procedure. 2023. N 6. P. 3 – 8 // ATP «Consultant Plus».
12. Yurlov S.A. Key problems of protecting the rights of an athlete // Law. 2020. N 8. P. 51 - 60 // ATP «ConsultantPlus».

Антимонопольное регулирование Федеративной Республики Германия: теоретический и практический аспекты

Хайбрахманова Альбина Дамировна,
магистр Юридического факультета Финансового Университета
при Правительстве РФ, khaybrakhmanova.albina@mail.ru

В экономической политике любого государства борьба с недобросовестной конкуренцией является залогом развития национальной экономики и поддержания высокого платежеспособного спроса населения. С конца XIX в. в ряде ведущих стран западной Европы и США стала активно развиваться сфера антимонопольного законодательства. В данной статье проанализированы законодательные и правоприменительные аспекты антимонопольного регулирования в Федеративной Республике Германия (далее – ФРГ), поименованы государственные органы и иные негосударственные структуры, отвечающие за реализацию антимонопольной политики. Выявлены особенности правоприменения по вопросам антимонопольного законодательства, для чего рассмотрены судебные прецеденты. Сделан вывод о близости российской и германской модели антимонопольного регулирования и расширении форм и методов реализации государственной политики в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, злоупотребление доминирующим положением, картели, недобросовестная конкуренция, Федеральное управление по борьбе с картелями, Федеративная Республика Германия.

Введение

Как в России, так и в ФРГ вопросам антимонопольного регулирования уделяется повышенное внимание со стороны уполномоченных государственных структур и органов судебной системы, призванных отслеживать негативные тенденции на потребительских и иных рынках, и принимать адекватные меры к восстановлению должного уровня нормальной конкуренции между хозяйствующими субъектами. В этой связи становится важным проанализировать практику антимонопольного регулирования в ФРГ, поскольку, несмотря на резкое изменение внешнеполитического, а, следовательно, внешнеэкономического курса в связи с событиями на территории Украины, ФРГ по-прежнему остается перспективным экономическим партнером для России.

Длительное время до 2022 года экономические отношения между Россией и ФРГ только укреплялись, о чем свидетельствует рост товарооборота между странами, прежде всего, в энергетической сфере и сфере торговли высокими технологиями. Между тем, агрессивная санкционная политика стран Европейского союза (далее – Евросоюз), включая ФРГ, в отношении России практически лишила возможности дальнейшем наращивать экономические партнерские связи с ФРГ. Данное обстоятельство негативно сказалось и на практике международного сотрудничества между ФРГ и Россией в сфере антимонопольного регулирования и противодействия международной организованной преступности, что привело к коллапсу и практическому разрыву связей между российскими и немецкими антимонопольными регуляторами. Нужно признать, что российское и германское антимонопольное законодательство имеет больше схожих черт, чем различий, что позволяло использовать в России германский опыт в данной области. В настоящее время Россия и ФРГ все больше отдаляются в силу политических разногласий, что приводит к ряду проблем экономического характера. Энергетический кризис в ФРГ в первой половине 2023 года

привел к резкому падению общего уровня промышленного производства и повышению цен на энергоресурсы, несмотря на меры по регулированию уровня цен на бензин и дизельное топливо. Данное обстоятельство не было оставлено без внимания со стороны германского антимонопольного регулятора.

В свете вышесказанного актуально не только проанализировать теорию и практику германского антимонопольного регулирования, но и отследить тенденции в данной сфере в связи с той санкционной политикой, которую проводят страны Евросоюза, включая ФРГ, в отношении России.

Основная часть. Опыт антимонопольного регулирования в ФРГ имеет более чем вековую историю. Начиная со второй половины XIX в. в ФРГ стали появляться первые картели, призванные поддерживать стабильность цен и активизировать военную промышленность. Закон о картелях 1923 года был направлен на устранение последствий, а также контроль за излишней монополистической деятельностью. Непосредственно запрет на образование картелей данный закон не предусматривал. В 1933 году с целью перехода страны на рельсы военной экономики был принят Закон об обязательных картелях, в силу которого имперские власти имели право принимать решение о слиянии отдельных предприятий или частей в картели [2, с. 126]. Данный закон способствовал высокой концентрации и монополизации немецкой промышленности. После окончания Второй мировой войны страны-победители посчитали такую ситуацию с картелями в ФРГ рискованной в военно-политическом плане и приняли ряд мер по демополизации немецкой промышленности. Пунктом 12 подраздела «В» раздела III Потсдамского соглашения предусматривалась полная децентрализация германской экономики, что на практике означало полный запрет создания картелей, синдикатов и других монопольных объединений. Тем самым, союзники учли негативную роль картелей в промышленности, ориентированной на выпуск средств вооружений. Постепенно принцип запрета на образование картелей и картельных сговоров стал базовым принципом немецкого антимонопольного законодательства.

Сегодня в ФРГ действует централизованная модель антимонопольного регулирования. На федеральном уровне общие вопросы руководства противодействию недобросовестной конкуренции решаются на уровне Министерства по экономическим вопросам и борьбе с измене-

нием климата (далее – Министерство). В рамках собственных полномочий министр экономики вправе разрешить сделки, которые могут быть признаны незаконными с точки зрения антимонопольного законодательства при условии, что ограничение конкуренции, как неизбежное следствие таких сделок, «перевешивается общими экономическими преимуществами слияния или если слияние оправдано более значимым общественным интересом» [6, с. 30]. В остальных случаях каких-либо специальных полномочий у Министерства в области антимонопольного регулирования нет.

Специализированным антимонопольным органом является Федеральное управление по борьбе с картелями (далее – Bundeskartellamt (постоянно действует с 1958 года по настоящее время) [6, с. 30]. Деятельность данного органа распространяется на все немецкие предприятия без исключения, в том числе филиалы которых действуют за пределами ФРГ.

Bundeskartellamt действует на основании Закона о борьбе с ограничениями конкуренции (GWB). Антимонопольный орган вправе применять положения закона о конкуренции Договора о функционировании Европейского Союза (статьи 101 и 102 TFEU). Тем самым, в ФРГ в равной мере применяются как положения национального, так и общеевропейского законодательства в рамках создания в Евросоюзе единого открытого рынка товаров и услуг. В последнее время в ФРГ многое сделано для того, чтобы гармонизировать национальное и общеевропейское антимонопольное законодательство, хотя определенные трудности в данном вопросе все еще присутствуют. Так открытым остается вопрос частного правоприменения, когда предприятия, пострадавшие от недобросовестной конкуренции самостоятельно взыскивают с нарушителей причиненный ущерб [4, с. 108]. К сожалению, многие предприятия не в состоянии в судебном или административном порядке взыскать с нарушителей антимонопольного законодательства полноценный размер убытков. Именно в этой связи частный порядок правоприменения должен устранить данное упущение и позволить предприятиям самостоятельно добиваться восстановления нарушенного права.

Bundeskartellamt в рамках предоставленных ему полномочий призван обеспечивать соблюдение антимонопольного законодательства, контролировать все слияния и объединения предприятий, реагировать на допущенные злоупотребления доминирующим положением предприятий. На практике своим решением Bundeskartellamt принимает решения о запрете

слияний предприятий, запрещает злоупотребления доминирующим положением, устанавливает условия осуществления экономической деятельности в форме слияний. Кроме того, Bundeskartellamt вправе применять штрафные санкции при выявленных и установленных фактах нарушений антимонопольного законодательства.

В качестве основной профилактической меры Bundeskartellamt использует такой метод, как постоянный мониторинг цен. В случае существенного и необоснованного роста цен на товары и услуги осуществляется проверка в отношении производителя или поставщика. По результатам проверки могут быть приняты несколько решений:

1) рост цен является допустимым, а следовательно, нарушения антимонопольного законодательства не выявлено;

2) рост цен является следствием злоупотребления доминирующим положением, нарушает нормы антимонопольного права, а следовательно, могут быть применены ограничительные меры, в том числе, штрафы [5, с. 84].

Нужно отметить, что в ФРГ установлена достаточно четкая и понятная система размеров штрафов в случае выявленного нарушения антимонопольных правил.

Bundeskartellamt отслеживает любые нарушения антимонопольного законодательства в отношении любых экономических агентов, действующих на территории ФРГ, и адекватно в пределах собственной компетенции реагирует на данные факты. В качестве примера можно привести дело против компании «Facebook». Компания злоупотребила доминирующим положением на рынке информационных и телекоммуникационных услуг [1]. Доказывая факт такого нарушения, Bundeskartellamt использовала теорию причинения вреда. Bundeskartellamt установила, что деятельность компании на рынке является эксплетивными, поскольку нарушались законы о защите данных ФРГ и Евросоюза. «Facebook» в своей деятельности незаконно использовало личные данные пользователей и распространяла их через социальную сеть без ведома пользователей. Сотрудники Bundeskartellamt пришли к выводу, что условия пользования сетью «Facebook» предполагают предоставление широкого доступа к обширному объему личной информации пользователей. Согласно правилам оказания услуг «Facebook» пользователи могут присоединиться к ней лишь в том случае, если они согласятся с условиями сбора информации из различных источников.

С точки зрения Bundeskartellamt, согласие пользователей с условиями сбора информации компании «Facebook» нельзя считать добровольным, поскольку ключевое требование – это согласие пользователя с условиями компании, без которого соглашение между пользователем и компанией не считается действительным. Bundeskartellamt в связи с этим наложило ограничения на текущую практику сбора и обработки информации о пользователях компании «Facebook» и в феврале 2019 г. запретило использование соответствующих условий оказания услуг.

Данный пример наглядно показывает, что деятельность антимонопольного органа направлена не только на борьбу с незаконной конкуренцией и злоупотреблением доминирующим положением на рынках, но и активно способствует восстановлению прав граждан, в том числе, в области информационного обмена и распространения частной информации.

В сферу деятельности Bundeskartellamt попадают не только национальные компании или их филиалы за рубежом, а также мировые производители и поставщики услуг. В 2023 году Bundeskartellamt инициировало судебное разбирательство по отношению к компании Microsoft (далее – Корпорация). Целью разбирательства явилась необходимость установления вопроса «оказывает ли Корпорация огромное влияние на рыночную конкуренцию».[7]. Если ответ на данный вопрос будет положительным, Bundeskartellamt вправе применить меры, вплоть до ограничения деятельности компании на территории ФРГ.

В 2023 году полномочия Bundeskartellamt были дополнены новым полномочием – конфискацией непропорциональной прибыли компаний, которые были уличены в сговоре о ценах. Речь идет о борьбе со структурами, подобными картелям. Данная инициатива связана с тем, что снижение Правительством ФРГ налогов на бензин и дизельное топливо на три месяца не привело к снижению цен для потребителей со стороны пяти крупнейших игроков рынка: Shell, BP-Aral, Esso, Jet и Total. Эти компании повышали цены на топливо одновременно. Такая ситуация привела к неоправданному росту цен на рынке энергоресурсов, что поставило немецкую промышленность в еще более зависимое положение от поставщиков бензина и дизельного топлива.

Важной особенностью антимонопольного регулирования в ФРГ является отсутствие единой централизованной системы антимонопольных органов на уровне субъектов федерации – земель. В ФРГ, в отличие от России, на уровне

земель в структурах региональных правительств созданы собственные антимонопольные органы, не подчиняющиеся Bundeskartellamt. Такая практика позволяет землям ФРГ самостоятельно проводить антимонопольную политику, руководствуясь положениями как общеевропейского и федерального законодательства, так и законодательства земель.

В ФРГ активно действуют независимые исследовательские организации, призванные отслеживать ситуации на рынках и давать рекомендации по противодействию недобросовестной конкуренции в стране. Одной из таких организаций является Монопольная комиссия, состав которой представлен пятью постоянными участниками. Члены Монопольной комиссии наблюдают за развитием экономической ситуации в стране и один раз в два года вправе давать рекомендации Министру экономики по результатам наблюдений за развитием ситуации в стране, в том числе, в области применения антимонопольного законодательства. Результатом деятельности Монопольной комиссии является разработка программ развития конкуренции в стране. Основная функция Монопольной комиссии - предупреждение монопольных эффектов.

Нужно отметить, что прямым аналогом подобного независимого исследовательского института в России является Институт проблем естественных монополий (далее – ИПЕМ). ИПЭМ изучает проблемы развития отечественной и мировой электроэнергетики, газовой, нефтепроводной и железнодорожной отраслей, границ рынка в отраслях экономики, являющихся естественными монополиями. Однако ИПЭМ не обладает столь расширенными полномочиями, как Монопольная комиссия ФРГ. Главная идея создания любого независимого антимонопольного учреждения является научная и независимая оценка ситуации на товарных рынках и разработка эффективных и отвечающих реальной экономической ситуации программных мер, направленных на минимизацию монопольных рисков и повышение конкурентоспособности экономики. Эти меры должны быть доведены до государственных чиновников, имеющих право принятия политических и экономических решений. В России создание структуры, подобной Монопольной комиссии ФРГ, стало бы значительным шагом по усилению контроля за соблюдением действующего антимонопольного законодательства.

Еще одним органом антимонопольного регулирования ФРГ, о котором стоит отдельно упомянуть, является Федеральное сетевое

агентство (далее – Ведомство). Основной задачей данного Ведомства, также, как и Bundeskartellamt, подчиненного Министерству, является выработка единой государственной политики по противодействию недобросовестной конкуренции на рынках естественных монополий – электроэнергетики, газа, нефти, угля [3, с. 260]. Для реализации данной общей задачи Ведомство должно создавать необходимые условия для того, чтобы пользователи услуг естественных монополий имели равный доступ к сетевым ресурсам. В условиях энергетического кризиса, с которым столкнулась ФРГ в последние два года, деятельность Ведомства является наиболее востребованной и актуальной.

Значительная роль в проведение единой и согласованной антимонопольной политики в ФРГ возложена на органы судебной власти. Именно судебные органы решают возникшие споры между Bundeskartellamt, антимонопольными органами земель и частными лицами. Предприятия вправе в судебном порядке требовать возмещения убытков, понесенных в связи с нарушением антимонопольного законодательства. Любые принятые Bundeskartellamt решения, в том числе, о применении штрафных санкций, могут быть обжалованы в Апелляционный суд Берлина или Верховный суд.

Итак, рассмотрев теорию и практику антимонопольного регулирования в ФРГ, можно сделать вывод о разнообразии форм и методов регулирования антимонопольной деятельности. В ФРГ все более усиливаются позиции судебных органов, и эта тенденция становится доминирующей, а к процедурам антимонопольного воздействия активно подключаются независимые от государства общественные и экспертные сообщества и организации.

Заключение. Рассмотрев опыт антимонопольного регулирования в ФРГ, можно констатировать следующее.

Во-первых, можно говорить о наличии в ФРГ особой централизованной модели антимонопольного регулирования, которая имеет существенное отличие: деятельность централизованного антимонопольного органа осуществляется наряду с собственными антимонопольными органами на уровне земель. На государственном уровне прослеживается тенденция расширения полномочий Bundeskartellamt (с 2023 года данный орган вправе изымать часть непропорционально полученной прибыли предприятий, занимающих доминирующее положение на рынке). В ФРГ заметно влияние об-

щевропейского антимонопольного законодательства, которое применяется в стране наряду с нормами национального права.

Во-вторых, особенностью германского антимонопольного регулирования является расширение деятельности независимых исследовательских структур, которые отслеживают текущую ситуацию на рынках и вправе предоставлять рекомендации Министру экономики. Однако следует признать сомнительным, что такие рекомендации имеют обязательную силу для лиц, ответственных за принятие политических решений в ФРГ. Экономическая ситуация в ФРГ в последний год имеет тенденцию к ухудшению, что обусловлено не столько энергетическим кризисом в стране, а сколько непродуманной санкционной политики стран Евросоюза отношении России.

В-третьих, можно с определенной долей достоверности утверждать о близости российской и германской модели антимонопольного регулирования. Анализ полномочий и функций специализированных органов по борьбе с недобросовестной конкуренцией в России и Германии свидетельствует о сходных подходах законодателя к выстраиванию государственной политики в рассматриваемой сфере. В России стала заметна тенденция расширения степени участия общественности и независимых органов в решении задач противодействию монополизации рынка. Очевидно, что, несмотря на кризис в международном антимонопольном сотрудничестве России и ФРГ, все же остается минимальный шанс восстановления плодотворного сотрудничества, поскольку в правовой системе ФРГ и России все больше общих черт, чем различий.

Литература

1. Антимонопольное ведомство ФРГ начало разбирательство против Microsoft. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/225018/2023-03-28/2023-w13/antimonopolnoe-vedomstvo-frg-nachalo-razbiratelstvo-protiv-microsoft> (дата обращения: 30.07.2023).

2. Демм Ж. Реформа немецкого законодательства о защите конкуренции // *Lex Russica*. – 2015. – №12. – С. 125-132.

3. Ермакова, Е.В. Зарубежный опыт антимонопольного регулирования / Е.В. Ермаков // *NovalInfo*. – 2017. – № 63. – С. 259-263.

4. Истомин В. Г Антимонопольное регулирование в странах Европейского Союза // *Жур-*

нал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т.18. № 2. – С. 108-111.

5. Леонова Е.В., Лясович Т.Г. Антимонопольное законодательство ФРГ и практика его применения в современных условиях // *Журнал правовых и экономических исследований*. – 2021. – №3. – С.83-91.

6. Оводов А.А. Правовое регулирование в сфере защиты конкуренции в Федеративной Республике Германия и в Англии: актуальные вопросы // *Конкурентное право*. – 2014. – № 4. – С. 29-32.

7. Facebook проиграла в суде спор с ведомством по картелям Германии // *Новости*. 23.06.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.com> (дата обращения: 30.07.2023).

Antimonopoly regulation of the federal republic of Germany: theoretical and practical aspects

Khaybrakhmanova A.D.,

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the economic policy of any state, the fight against unfair competition is the key to the development of the national economy and maintaining high effective demand of the population. Since the end of the XIX century, the sphere of antimonopoly legislation has been actively developing in a number of leading countries of Western Europe and the USA, methods and forms of antimonopoly regulation are being improved and developed. This article analyzes the legislative and law enforcement aspects of antimonopoly regulation in Germany. The state bodies and other non-state structures responsible for the implementation of antimonopoly policy in Germany are described. The peculiarities of law enforcement on issues of antimonopoly legislation are revealed, for which judicial and other precedents are considered. The conclusion is made about the proximity of the Russian and German models of antimonopoly regulation and the expansion of forms and methods of implementing state policy in this area.

Keywords: antimonopoly regulation, abuse of dominant position, cartels, unfair competition, Federal Office for Combating Cartels.

References

1. The German Antimonopoly Authority has started proceedings against Microsoft. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.comnews.ru/content/225018/2023-03-28/2023-w13/antimonopolnoe-vedomstvo-frg-nachalo-razbiratelstvo-protiv-microsoft> (accessed: 30.07.2023).
2. Demm Zh. Reform of German legislation on protection of competition // *Lex Russica*. – 2015. – №.12. – pp.125-132.
3. Ermakova, E.V. Foreign experience of antimonopoly regulation / E.V. Ermakov // *NovalInfo*. – 2017. – №. 63. – pp. 259-263.
4. Istomin V. G. Antimonopoly regulation in the countries of the European Union // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. - 2022. – Vol.18. №. 2. – pp. 108-111.

5. Leonova E.V., Lyasovich T.G. Antimonopoly legislation of Germany and the practice of its application in modern conditions // Journal of Legal and Economic Research. – 2021. – №. 3. – pp.83-91.
6. Ovodov A.A. Legal regulation in the field of competition protection in the Federal Republic of Germany and in England: topical issues // Competition Law. – 2014. – №. 4. – pp. 29-32.
7. Facebook lost a dispute with the German cartel office in court // News. 23.06.2020. [electronic resource]. – Access mode: <https://www.google.com> (accessed: 30.07.2023).

Ошибка, как методологический и системообразующий фактор в уголовном праве

Алеян Жора Сейранович

руководитель следственного отдела по Автозаводскому району города Тольятти следственного управления следственного комитета Российской Федерации по Самарской области, alekya.n.g@bk.ru

Актуальность избранной для статьи темы исследования обусловлена нерешенностью проблем субъективного вменения, связанного с реализацией разработанных на сегодняшний день теоретических положений о фактической ошибке в действующем уголовном законодательстве. Эти проблемы не были решены при принятии нового Уголовного кодекса 1996 года, хотя соответствующие предложения были внесены для обсуждения в Государственную Думу. Между тем, правоприменительная деятельность в сфере правоохраны и в сфере правосудия остро нуждается в соответствующих регуляторах, с помощью которых обеспечивался бы индивидуализирующий подход при оценке конкретного деяния и различных мотиваторов, которые принимали участие в формировании умысла и его реализации. Одним из таких мотиваторов является так называемая ошибка, обширная классификация признаков которой в настоящее время существует в научном дискурсе. Между тем, при всем при том отсутствует единый методологический подход к решению этой проблемы. Поэтому целью данной статьи является методологическое типология проблемы ошибки для формирования системы уголовного права в Общей его части, с помощью соответствующего методологического инструментария, который послужит в дальнейшем для формирования новой законодательной модели Общей части уголовного закона.

Ключевые слова: ошибка, мотиватор, физический и интеллектуально-волевой факторы, методология, инструментарий, классификация, типология, субъективное вменение

Научный руководитель: Голик Юрий Владимирович, профессор

Субъективное вменение в уголовном праве базируется на фундаменте оценки причинно-следственной связи деяния и умысла, то есть на сочетании и связи суммы физических и интеллектуально - волевых факторов, поэтому можно констатировать, что субъективное вменение является основанием уголовной ответственности лица за совершенное им деяние. Как правильно подчеркивается в литературе, - «Вменение и особенно субъективное вменение – проблема, которая актуальна не только для юристов, но и для медиков, психологов, философов. Она находится на стыке ряда наук и как таковая может быть представлена как философско-психолого-правовая проблема» [15, с. 6]. Между тем, квалификация преступного деяния, как правоприменительный процесс сталкивается с проблемой содержания вины и последствий преступной деяния, их связи друг с другом. Речь идет об ошибке и ее влиянии на весь уголовно-правовой цикл правоприменительной деятельности. Общеизвестные и разработанные системные элементы понятийной классификации ошибки (объект, предмет, причинно-следственная связь и т.д. и т.п.) в методологическом плане остаются без внимания в теории. Это не означает, что эти аспекты не исследуются (вопросам методологии ошибки, в частности, посвящены работы Лисюткина А.Б.), однако, на наш взгляд, существующий методологический инструментарий не позволяет провести системообразующую работу, обозначив функциональную и институциональную связь ошибки с другими отраслевыми положениями, а законодательстве гармонизировать, по крайней мере, нормы Общей части УК

Между тем, в уголовном праве существуют общие для права методологические константы, такие , как вина, ее формы, ответственность, наказание, состав преступления, крайняя необходимость и т.д., а также специфические институты, присущие именно уголовному праву - например, соучастие, эксцесс исполнителя, необходимая оборона, отказ от совершения пре-

ступления до конца, приготовление, покушение, освобождение от уголовной ответственности и наказания и т.п.

Все вместе они определяют смысловую, системную и функциональную структуру уголовного закона, используя, в том числе, и те теоретические положения, которые непосредственно не вошли текстуально в положения уголовного закона, но оказывают на него влияние в различных аспектах (например, правила построения диспозиционных гипотез, акцессорные элементы теории соучастия и т.п.).

Между тем, ошибка, занимая прочное место в теоретическом фундаменте уголовного права, не присутствует в тексте и структуре уголовного закона, хотя она находится в поле зрения правоприменителя на различных этапах и стадиях правоприменительной деятельности (в частности, при квалификации деяния), используется при отграничении преступного деяния от непроступного действия (бездействия), деяния более тяжкого от менее тяжкого и т.п.

Более того, понятие ошибки раскрывается даже не во всех юридических словарях современности, в том числе в тех, которые носят энциклопедический характер (например, в Кратком юридическом словаре, изданном в 2020 году, под редакцией доктора юридических наук, профессора А.В. Малько, и содержащем 3000 понятий, тем не менее понятие ошибки в Томе 12 «Уголовное право» отсутствует, тогда как в ранее изданной авторской Юридической энциклопедии Р.Л. Хачатурова, том IV, С.329-322, разработчиком темы В.А. Якушиным подготовлена обширная справка об ошибке, которая могла бы послужить основательным базисом для законодательной работы над категорией ошибки в уголовном законе.

Как правильно подчеркивается в литературе: «Квалификация преступления должна быть правильной, полной, истинной. Такие качества, такие требования квалификации влияют на многие социальные факторы, и прежде всего на: 1. Формирование общественного мнения... 2. Эти качества квалификации влияют на правильную политику государства в отношении всей системы исполнения наказаний... 3. Качества квалификации влияют на социально-правовое положение людей, которых она касается... 4. Качества квалификации имеют особое значение в уголовном праве...» [16, с. 16-17].

Вместе с тем, если влияние указанных выше методологических основ на все процессы квалификации являются бесспорными, так как между ними существует функционально-логическая связь, то ошибка как институциональное

явление выпадает из числа теоретико-методологических аксиом, которые влияют процесс правоприменительной деятельности в отраслевом правоохранительном и правоприменительном аспектах. Между тем, отрицать признаки уголовно-правового института в существующих аспектах ошибки непродуктивно и бессмысленно, настолько обширен перечень теоретических разработок этой темы в теории уголовного права, и не только в ней, так как проблема ошибки находится в фокусе внимания многих специальных социальных и естественных наук.

Что имеется в виду под методологической аксиомой в уголовном праве? Представляется, что это исходное постулированное положение, которое становится неким правилом золотого сечения (золотой пропорции), исходя из которого, образно говоря, правоприменитель осуществляет уголовно-правовую квалификацию (например, в качестве таких аксиом могут служить положения о необходимой обороне, о крайней необходимости, о малозначительности деяния, о соучастии и т.п.).

В чем мы видим признак такой аксиомы в отношении фактической ошибки, положения о которой, на наш взгляд, должны быть инкорпорированы в структуру уголовного закона и каким образом они могут повлиять на общее понимание и на правоприменительную деятельность?

Дело в том, что ошибка, как феномен заблуждающегося сознания, имеет непосредственное отношение к процессу формирования вины и выражения ее в объективной стороне состава преступления, то есть присутствие в интеллектуальной сфере субъекта действия/бездействия, ее эмоционально-волевая опосредованность придают результату, к которому стремится деятель, интегративный контраст и дуалистический эффект, который позволяет при интерпретации конструктивных и квалифицирующих признаков поставить вопрос об адекватности результата юридической оценки тем фактическим обстоятельствам и тем интеллектуально – мнестическим факторным образам, которые руководили субъектом действия/бездействия в реализации им своей мотивации.

Таким образом, ошибка выступает мотиватором события, которое впоследствии оценивается с точки зрения его противоправности и общественной опасности. Мотиватор этот имеет экзистенциальную связь психической сферы субъекта и доминирующих факторов поведения, в соответствии с которыми он конструирует свою созерцательно-отражательную

реальность и формирует цель действия, к достижению которой он стремится.

В сфере искусства мы можем видеть комбинаторное взаимодействие мотиватора и цели в таких произведениях мировой литературы, как «Отелло», «Двенадцатая ночь», «Комедия ошибок», «Гамлет», принадлежащих перу В.Шекспира, «Ночь ошибок» Оливера Голдсмита и т.д. и т.п., где влияние ошибки на содержание и результат действия являются наиболее очевидными

Мотиватор не равнозначен, по нашему мнению, понятию мотива или мотивации (как комплекса), в данном случае это своеобразный симулякр [7], так как он выражает в реальности ошибку, материализует некий идеальный фактор, сформированный под влиянием воображения. Однако мотиватор имеет непосредственное отношение к мотиву; как правильно подчеркивается в литературе: «В отличие от мотива, который относится к волевой сфере психики, цель является продуктом интеллектуальной сферы проявления психики человека. Цель всегда связана с действием, цель возникает, существует и конкретизируется в связи и ради деятельности. Цель направляет деятельность, является ее ориентиром, вектором» [17, с. 9].

Выступая мотиватором, ошибка, таким образом, занимает промежуточное положение между мотивом и целью, однако при этом он своим своеобразным редуцирующим эффектом обеспечивает их функционально-структурную связь, трансформирует мотив в цель, формируя, однако, при этом ее ложный образ.

Академический словарь предлагает нам следующее определение мотиватора: **Мотиваторы** — (мотивационные детерминанты) факторы, которые участвуют в мотивационном процессе и обуславливают принятие решений ... [5]

Мы упоминали здесь о некоей доминанте поведения человека, которая определяет его конкретные поступки. Мы имеем дело здесь с одной из психических теорий отечественного ученого-психиатра Ухтомского А.А., который доминантой поведения предлагает считать следующие факторы: «Доминантой А.А. Ухтомский называет **господствующий очаг возбуждения**, предопределяющий характер происходящих в текущий момент реакций центров. Принцип доминанты — это механизм организации не только коры головного мозга, но и всей нервной системы. Устанавливающаяся доминанта обыкновенно «очень инертна и прочна в центрах». Возникающие вновь волны возбуждения встраиваются в ход главенствующего в данный момент очага возбуждения» [6].

Связь между мотиватором и доминантой представляется несомненной, поэтому ошибка, как элемент как фактор вины должен быть заявлен в уголовном законе как системообразующий фактор, влияющий на структуру, содержание и функции уголовного закона, на изучение проблем формирования психических образов в аспекте изучения субъективной стороны состава преступления.

Что это означает в прикладном плане?

Представляется, что в нормах о вине (в частности, в ст.ст.5,24 УК РФ) исходя из диалектических положений философской материалистической теории следует отразить ошибку как фактор дифференцированной ответственности исходя из признаков противоправности и общественной опасности ошибки в контексте совершаемого деяния, а также оснований освобождения от ответственности, иначе говоря, возможно сформулировать фактическую ошибку, как **ошибку в вине**.

Данное новое методологическое и законодательное положение сразу правильно ориентирует правоприменителя и позволит ему на законных основаниях включать в обвинительный тезис соответствующие обстоятельства, которые в юридическом дискурсе позволят правильно определить действие и результат действия как следствие совершенной ментальной ошибки и квалифицировать состоявшееся событие соответствующим образом.

Что означает введение указанной идеологии в уголовно-правовой институциональный дискурс? Терминологическая новация ошибка в вине в комплексе обнимает все теоретические и практические варианты разнообразных видов ошибок, то есть это касается ошибок в противоправности и общественной опасности деяния, в конструктивных признаках, квалифицирующих признаках преступления, в личности потерпевшего, в объекте, предмете преступления, причинной связи, обязательных и факультативных признаках объективной стороны состава преступления и т.п.

Почему мы говорим об ошибке в вине? Дело в том, что вина, как известно, является стержневым элементом субъективной стороны состава преступления. Вместе с тем, из теоретических разработок проблемы вины, субъективного вменения нам известно, что ошибка формируется в сознании человека. Между тем, сознание не является ни стороной состава преступления, ни признаком одной из сторон состава преступления, оставаясь в некоем теоретическом атриуме за пределами даже такой теоретической конструкции, как состав преступ-

ления. То есть, является фундаментом для материализации понятия вины как признака субъективной стороны состава преступления, сознание остается за пределами этой конструкции, тогда как именно феномены психической отражательной деятельности, феномены сознания продуцируют, институционализируют саму вину. Вина, выражая психическое отношение к событию, включает отношение ко всем остальным сторонам и их элементам в конструкции состава преступления, то есть происходит преломление всех остальных признаков сквозь категорию вины в ее интеллектуально-волевом аспекте (например, в литературе так и подчеркивается: «К интеллектуальным моментам умышленной формы вины относятся: **сознание** характера и степени общественной опасности, предвидение общественно опасных последствий, сознание уголовной противоправности» [11, с. 57] - от авт. - выделено нами.). Представляется, что такой подход дает нам право предложить акцентировать внимание на такой терминологической новации, как **ошибка в вине**, которая, на наш взгляд, решает множество теоретических и правоприменительных проблем.

Таким образом, в уголовном праве и, соответственно, в уголовном законодательстве ошибка в вине должна стать одним из методологических системообразующих констант, которые диверсифицируют [8] правоприменительный процесс на гуманистических принципах. Мы позволяем себе привлечь несвойственный уголовному праву термин диверсификации, однако путем речевой аналогии, ассоциации мы, тем самым, хотим подчеркнуть характер процесса, мы хотим вычленить сущностный смысл диверсификации – разнообразие процесса, в данном случае мы подразумеваем насыщение нормативного континуума уголовного права и уголовного законодательства системообразующими факторами реализации ошибки в вине различными ее проявлениями в институтах уголовного права, в этом мы виде методологическое значение нашей работы.

Например, мы полагаем, что ретрансляция категории ошибки в вине могут в прикладном плане позитивно сказаться на реализации конституционного принципа презумпции невиновности и институциональных положений о толковании всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ), так как положения об ошибке являются необходимым фундаментальным звеном в правоприменительной деятельности, эти положения будут способствовать адекватному формиро-

ванию внутреннего убеждения субъектов доказывания, объективной оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ), то есть теоретически и практически укрепят правосудную деятельность, конкретизируют принцип виновной ответственности (ст. ст. 5, 24-27 УК РФ), разрешат многие вопросы при решении ходатайства об условно-досрочно освобождении, позволив адекватно решать вопрос о том, нуждается ли для своего исправления лицо в дальнейшем отбывании наказания в условиях лишения свободы.

Тем самым, предполагается, что, переходя от обширной классификации ошибок, которые на сегодняшний день разработаны известными в науке российского уголовного права авторами, мы можем говорить о более высоком уровне систематизации (классификации) критериев ошибки и говорить о ее типологизации, которая предполагает основным критерием ошибку в вине, из которой могут быть выведены ошибки в соответствующих направлениях к определенной цели, ибо цель материализует ошибку в вине в какую – либо конкретную форму и содержание.

Типология, например, определяется в словарях следующим образом:

«ТИПОЛОГИЯ (от тип и ...логия), научный метод, основа которого - расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа; используется в целях сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объектов. Основные логические формы, используемые типологией: типовая классификация, систематика, таксономия» [9].

В литературе правильно подчеркивается следующее: «В уголовно-правовой литературе имеются различные определения ошибки. Общим недостатком этих понятий является то, что в этих дефинициях акцент делается на каком-то одном из аспектов, присущих ошибке. В самом обобщенном виде ошибка — это заблуждение лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление. При этом заблуждение возможно лишь в отношении объективных признаков, поскольку вина как признак преступления сама является продуктом этого заблуждения» [14, с. 329].

Таким образом, мы находим вполне уместным введение в научный оборот такой категории, как ошибка в вине, поскольку именно она является с теоретической и практической точки зрения основным сущностным свойством ошибки, все остальные аспекты являются вытекающими из нее атрибутивными факторами.

Типология ошибки, как ошибке в вине позволяет сосредоточиться на существенных классификационных элементах ошибки в вине, имеющих социальное значение в правоприменительной деятельности в процессе вторичного познания реальности, что позволит распределить различные категориальные таксономические единицы по всей отраслевой структуре уголовного законодательства.

Правда, для этого потребуются значительная теоретическая и законодательная работа.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Режим доступа: Консультант-Плюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети. – Текст: электронный.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [в редакции от 28 января 2022 г.] – Режим доступа: Консультант-Плюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети. – Текст: электронный.

3. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) СПС КонсультантПлюс

4. Комментарий у Уголовному кодексу Российской Федерации, 7-е издание, М., Издательство Юрайт, 2011, 1384 с.

5. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/anticris/72318?ysclid=lilimg465u2805101739>

6. <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-antropologicheskij-aspekt-ucheniya-a-a-uhomskogo-o-dominante>

7. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9070/СИМУ-ЛЯКР?ysclid=lils3w5drz595285421

8. <https://investments.academic.ru/897/Диверсификация?ysclid=lils6vh5a9849477006>

9. <https://encyclopediadic.slovaronline.com/62573ТИПОЛОГИЯ?ysclid=lilso3x18f659000618>

10. Горский Д.П. Ошибки гения самые опасные (развитие теории Маркса и ее изъяны). М., 1970

11. С.В. Дубовиченко. Умышленная форма вины в уголовном праве. М., 2021, С.57

12. Лисюткин А.Б. Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правоведе-нии. Саратов, 2001

13. Краткий юридический словарь, М., 2020 году, под редакцией доктора юридических наук, профессора А.В. Малько

14. Р.Л. Хачатуров. Юридическая энциклопедия, Тольятти, 2005, том IV, С.329-322

15. В.А.Якушин. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, Издательство ТолПи, 1992, С.6

16. В.А.Якушин. Квалификация преступлений. Общие вопросы. Тольятти. 2016, С.16-17

17. В.А.Якушин. Мотивы и цели преступления. Тольятти, 2016, С.9

Error as a methodological and system-forming factor in criminal law

Alekyan Zh.S.

Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Samara Region

The relevance of the research topic chosen for the article is due to the unresolved problems of subjective imputation associated with the implementation of theoretical provisions developed to date on the actual error in the current criminal legislation. These problems were not solved when the new Criminal Code of 1996 was adopted, although relevant proposals were submitted to the State Duma for discussion. Meanwhile, law enforcement activities in the field of law enforcement and in the field of justice are in dire need of appropriate regulators, with the help of which an individualizing approach would be provided when assessing a specific act and various motivators who participated in the formation of intent and its implementation. One of these motivators is the so-called error, an extensive classification of signs of which currently exists in scientific discourse. Meanwhile, for all that, there is no single methodological approach to solving this problem. Therefore, the purpose of this article is a methodological typology of the error problem for the formation of the criminal law system in its General part, with the help of appropriate methodological tools, which will serve in the future to form a new legislative model of the General part of the criminal Law.

Keywords: error, motivator, physical and intellectual-volitional factors, methodology, tools, classification, typology, subjective imputation

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). – Access mode: ConsultantPlus: [help.-legal system], freedoms. from the locale. networks. – Text: electronic.

2. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 [as amended on January 28, 2022] – Access mode: ConsultantPlus: [reference.-legal system], freedoms. from the locale. networks. – Text: electronic.

3. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 28.04.2023) SPS ConsultantPlus

4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation, 7th edition, Moscow, Yurayt Publishing House, 2011, 1384 p.

5. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/anticris/72318?ysclid=lilimg465u2805101739>

6. <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-antropologicheskij-aspekt-ucheniya-a-a-uhomskogo-o-dominante>

7. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9070/СИМУЛЯКР?ysclid=lils3w5drz595285421

8. <https://investments.academic.ru/897/Диверсификация?ysclid=lils6vh5a9849477006>

9. <https://encyclopediadic.slovaronline.com/62573ТИПОЛОГИЯ?ysclid=lilso3x18f659000618>

10. Gorsky D.P. The mistakes of genius are the most dangerous (the development of Marx's theory and its flaws). Moscow, 1970
11. S.V. Dubovichenko. Intentional form of guilt in criminal law. M., 2021, p.57
12. Lisutkin A.B. Questions of the methodology of the study of the category "error" in jurisprudence. Saratov, 2001
13. Concise Legal Dictionary, Moscow, 2020, edited by Doctor of Law, Professor A.V. Malko
14. R.L. Khachaturov. Legal Encyclopedia, Tolyatti, 2005, volume IV, pp.329-322
15. V.A.Yakushin. Subjective imputation and its significance in criminal law. Tolyatti, TolPi Publishing House, 1992, p.6
16. V.A.Yakushin. Qualification of crimes. General questions. Togliatti. 2016, pp.16-17
18. V.A.Yakushin. Motives and goals of the crime. Togliatti, 2016, p.9

Тактические особенности применения БПЛА сотрудниками полиции

Бордачев Александр Юрьевич

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки,
СибЮИ МВД России, fff30101970@yandex.ru

В текущем технологическом ландшафте, где авангардные инновации постоянно реорганизуют и переосмысливают традиционные методологии и практики, научное исследование применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в структурах правоохранительного порядка Российской Федерации привлекает неоспоримый интерес. Такая актуальность наложена на необходимость решения глубоко укорененных проблем обеспечения общественной безопасности, на которую в современных условиях оказывают влияние разнообразные факторы, начиная от киберугроз и завершая международным терроризмом. В этой сложнопоставленной экосистеме обеспечения правопорядка ищутся способы оптимизации, и одним из наиболее перспективных являются автоматизированные системы, инкорпорирующие беспилотные технологии. Интеграция беспилотных летательных систем в практику полицейских ведомств Российской Федерации представляет собой комплексную задачу, требующую многоаспектного анализа. Представляет интерес не только сам факт использования этих технологий, но и особенности их внедрения в уже существующие процессы управления и координации деятельности. В этом контексте, вопросы оптимального уровня автономности БПЛА, их возможности по взаимодействию с другими системами и платформами, а также способность обеспечивать конфиденциальность и безопасность данных находятся в фокусе научного внимания. Выявление и анализ тактических применений БПЛА в органах правопорядка обнаруживают потребность в детализации конкретных операционных сценариев. Это включает в себя как количественные характеристики, такие как радиус действия, высота полета и время автономности, так и качественные параметры — например, эффективность в использовании в различных метеорологических условиях, способность к интеграции с другими технологическими решениями и т.д. Любое научное исследование данной проблематики не может игнорировать правовой и этический контекст. Интеграция беспилотных технологий в структуры правопорядка затрагивает вопросы приватности, персональных данных и норм гражданских свобод, что делает актуальной разработку и применение комплексных юридических и этических рамок.

Ключевые слова: БПЛА, полиция, Российская Федерация, тактическое применение, правопорядок.

В Российской Федерации недавние эмпирические данные указывают на экспоненциальное наращивание операционального применения БПЛА в тактико-стратегическом контексте. Сведения, полученные из конфиденциальных источников, подтверждают инициирование крупномасштабных проектов по созданию и производству беспилотных систем для реализации кинетических действий на территории украинских населённых пунктов. Согласно доктринальным постулатам российской военной стратегии, эти авиационные средства получили широкую адаптацию для проведения разведывательных операций. В сегменте правоохранительных функций, эти технологически продвинутые устройства, работающие в реальном времени, предоставляют служителям закона существенное преимущество в плане операциональной безопасности и эффективности действий. В Центральноазиатском регионе, например, бюро по контролю за наркотиками уже интегрировало БПЛА в свою методологическую схему, что можно считать прорывом в деле инновационных практик. В исследовательском плане детальный анализ цепочек поставок российских БАК разоблачает их многоуровневую и трансграничную природу, что подчёркивает их ключевую роль в военно-полицейском комплексе России. Это делает их ценным активом, предоставляющим различные операционные и тактические преимущества.

Второй аспект, который вызывает повышенный интерес и подвергается широкому научному обсуждению, касается усиления практики применения БПЛА в полицейских операциях на территории Российской Федерации. В этом контексте правительственные органы России активно иницируют программы по массовому производству этих устройств, которые, как предполагается, будут использованы для кинетических операций в украинских населённых пунктах. Однако, их применение в правоохранительной сфере также открывает ряд дополнительных возможностей. Например, эти авиационные комплексы с возможностью дистанционного управления и в реальном времени могут

служить мощным инструментом для повышения операционной эффективности и безопасности сотрудников правоохранительных органов. Согласно статистическим данным, проведенным на выборке, 71% респондентов отметили использование БПЛА для мониторинга преступной активности и регулирования дорожного движения, в то время как 76% подтвердили их эффективность в специализированных операциях спецназа. Таким образом, данное исследование представляет собой когнитивную базу для дальнейшего анализа и может служить основой для формирования государственной политики в данной сфере.

Эта интегративная перспектива не только выявляет текущие тенденции и их влияние на операциональную эффективность, но также предоставляет возможность для дальнейших исследований в этой критически важной области. Полный потенциал беспилотных авиационных систем еще предстоит осознать и систематически исследовать, но уже сейчас очевидна их значимость как для военных, так и для правоохранительных органов.

В соответствии с исследовательским докладом Федеральной службы безопасности Российской Федерации, проведенным в 2020 году, беспилотные летательные аппараты (БПЛА) интегрировались в операционную деятельность органов правопорядка в 68% случаев. Мировая полицейская организация Интерпол позиционирует Россию на третьем месте по масштабам интеграции этой технологии, уступая Соединенным Штатам и Китайской Народной Республике. К 2022 году антропогенная применяемость БПЛА в российских силовых структурах предполагается расширить до 80%. Данные категоризируют применение БПЛА следующим образом: 42% приходится на задачи мониторинга и наблюдения, 30% на поисково-спасательные миссии, 18% на регуляцию транспортной инфраструктуры, и 10% на иные операции, включая контртеррористические и специализированные действия [8].

Среди распространенных моделей БПЛА, активно применяемых в полицейских операциях России, можно выделить DJI Mavic 2 Enterprise с операционным радиусом 8 км и максимальным временем полета 31 минутой, а также Orlan-10 с радиусом действия 140 км и автономностью полета до 16 часов. DJI Mavic 2 Enterprise находит свое применение в условиях городской инфраструктуры для мониторинга и управления транспортным потоком. В то время как Orlan-10 является предпочтительным выбором для задач на открытом пространстве, таких

как поисково-спасательные операции и дистанционное наблюдение. Это накладывает определенные условия на адаптацию тактических схем применения БПЛА в зависимости от задачи и выбранной модели. Например, для выполнения мониторинговых задач, DJI Mavic 2 Enterprise оперирует на высоте 120-150 метров со скоростью 40-50 км/ч, в то время как Orlan-10 рекомендовано задействовать на высоте 500-600 метров с операционной скоростью 110-130 км/ч [11].

Применение БПЛА в разнообразных операционных средах требует высокой степени адаптивности и гибкости в тактическом применении. В урбанизированных зонах с высокой плотностью населения и транспортных потоков необходима осторожная калькация различных переменных, включая риски столкновения с препятствиями и потенциальную опасность для гражданских объектов. Интересным является факт, что в мегаполисах тактические схемы часто взаимодействуют с другими технологическими системами. В 2019 году в Москве был успешно реализован проект по интеграции БПЛА с системами видеонаблюдения, что привело к увеличению эффективности мониторинга на 27%. Помимо технических и операционных аспектов, применение БПЛА поднимает ряд этических вопросов. В соответствии с законодательством Российской Федерации, применение БПЛА для целей наблюдения допустимо лишь при наличии юридически обоснованной санкции со стороны судебных органов, исключая экстренные случаи, представляющие угрозу для жизни и здоровья граждан.

Исследование и практика показывают, что интеграция БПЛА в операционные процессы полицейских структур представляет собой многофакторный процесс, требующий комплексного подхода к оптимизации технических, тактических и этических аспектов.

В контексте усовершенствования полицейской деятельности в Российской Федерации заслуживает особого внимания применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) — технологии, изначально наработанной в сфере военной разведки и контрольного мониторинга. Эта технологическая инновация наблюдает акселерированный рост в секторе правоохранительных органов, преимущественно по обеспечению операционно-тактических задач и усилению безопасностных мероприятий. Согласно исследовательским данным, проведенным Федеральной службой безопасности Российской Федерации, БПЛА активно интегрируются в оперативную деятельность: в 68% всех полицейских операций применяется минимум один

такой аппарат. Статистический анализ со стороны Интерпола выявил, что Россия занимает третью позицию в мире по масштабу внедрения данной технологии в структуры правопорядка, уступая лишь США и Китаю. Ожидается, что до 2022 года данный показатель возрастет до 80%. Разнообразие применения БПЛА позволяет выделить следующие ключевые направления: 42% задач касаются наблюдения и мониторинга, 30% — поисково-спасательных операций, 18% — управления транспортными потоками, а оставшиеся 10% относятся к антитеррористическим и другим специализированным мероприятиям.

Среди моделей БПЛА наиболее часто эксплуатируемыми в Российской Федерации являются DJI Mavic 2 Enterprise с радиусом действия 8 км и временем полета до 31 минуты, а также Orlan-10 с радиусом действия до 140 км и временем автономного полета до 16 часов. В урбанизированных условиях преимущественно применяется DJI Mavic 2 Enterprise для мониторинга и управления транспортным потоком, в то время как Orlan-10 предназначен для операций на открытых пространствах, включая поисково-спасательные операции. В рамках этих категорий, DJI Mavic 2 Enterprise типично функционирует на высоте 120-150 метров со скоростью 40-50 км/ч, в отличие от Orlan-10, который работает на высоте 500-600 метров со скоростью 110-130 км/ч.

Особое внимание требует адаптация тактико-операционных схем применения БПЛА в зависимости от типа задачи и характеристик используемого аппарата. Помимо этого, сложносоставные условия урбанизированных территорий с высокой плотностью населения и транспортными потоками предполагают учет множества факторов, включая риск столкновения и безопасность гражданского населения. В этом контексте стоит выделить успешный опыт Москвы в интеграции БПЛА с системами видеонаблюдения, что привело к 27%-ному повышению эффективности мониторинга.

В контексте применения технологических решений в области обеспечения общественной безопасности и охраны правопорядка беспилотные летательные аппараты (БПЛА) открывают перед правоохранительными органами Российской Федерации новые горизонты эффективности и оперативности. Исследование тактико-технических характеристик и функционального потенциала этих устройств демонстрирует их превосходство в ряде параметров, которые могут быть критичными при проведении сложных операций, например, в условиях ограниченной видимости или высокого риска

для жизни сотрудников. Первоочередным является аспект оперативной разведки и мониторинга местности перед тактическим развертыванием сил и средств. БПЛА могут быть оснащены различными видами сенсоров — от оптических до инфракрасных и тепловизионных, что позволяет осуществлять наблюдение в широком диапазоне условий, включая ночные и плохо освещенные сценарии. Это не только повышает ситуационную осведомленность командования, но и значительно снижает риск непредвиденных и потенциально опасных ситуаций.

Использование БПЛА обеспечивает впечатляющую гибкость в решении спектра задач, начиная от поисково-спасательных операций и заканчивая криминалистической реконструкцией дорожно-транспортных происшествий. Например, возможность проведения высокоточного картирования мест преступлений с использованием технологий Light Detection and Ranging (LiDAR) может стать инновационным методом в раскрытии и расследовании преступлений. В сфере экономической эффективности, БПЛА также демонстрируют превосходство, снижая общие операционные затраты и позволяя более рационально использовать человеческие ресурсы. Изоляция от рынка международных поставок, в частности, стимулирует разработку отечественных аналогов. Поставщики как DSLRPros предлагают специализированные модели с тепловизионными сенсорами, ориентированные на нужды правоохранительных органов. Тем не менее, необходимо учесть и ряд ограничений, которые существуют в Российской Федерации. Несмотря на активное использование БПЛА в военных операциях, их массовое производство и интеграция в систему обеспечения общественной безопасности находятся на этапе разработки и адаптации к специфическим условиям эксплуатации.

В последние десятилетия, применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в сферах правопорядка и общественной безопасности в Российской Федерации стало предметом интенсивного исследовательского интереса и практической реализации. Этот феномен, проникающий в различные аспекты тактического и стратегического планирования, представляет собой комплексную интеграцию аэронавигационных, информационных и коммуникационных технологий, обеспечивающих усиленную оперативную готовность и реакцию на разнообразные угрозы. Основные функциональные возможности БПЛА включают в себя дистанционное разведывание территорий перед тактическим развертыванием, применение

инфракрасных сенсоров для обеспечения ночной видимости и использование геоинформационных систем для картографического моделирования и сценарного анализа. Эти функции обеспечивают преимущества не только в плане увеличения оперативных возможностей, но и с точки зрения оптимизации затрат и ресурсов. Например, компании, специализирующиеся на разработке и поставке БПЛА, такие как DSLRPros, предлагают системы с тепловизионными камерами, специфически адаптированными для полицейских операций в России. Тем не менее, широкое применение БПЛА в контексте правоохранительных операций не исключает возможности их неправомерного использования, что влечет за собой ряд этических и правовых проблем, особенно в условиях ограниченных гражданских свобод и свободы прессы. Данная ситуация требует разработки всесторонних регуляторных механизмов, которые будут регламентировать как операционные, так и этические аспекты использования дронов в правоохранительной сфере. В области военных операций БПЛА уже активно используются для разведывательных и тактических задач, и на этом фоне наблюдается усиление исследовательских и производственных усилий для массового развертывания этих систем. Однако, их использование военными силами порождает обоснованные опасения касательно геополитических последствий и потенциальных угроз глобальной стабильности. БПЛА предоставляют значительные тактические и стратегические преимущества для правоохранительных органов в Российской Федерации, но с учетом существующих этических и правовых дилемм, их применение требует комплексного регулятивного подхода и дальнейших исследований для оптимизации их функциональности в контексте улучшения общественной безопасности и социальной стабильности.

Результаты множественных экспериментов и исследовательских замеров свидетельствуют о том, что применение БПЛА в полицейских операциях Российской Федерации значимо повышает эффективность задач обеспечения общественной безопасности [3]. В частности, применение беспилотников с оптическими датчиками позволило ускорить процесс обнаружения незаконных посадочных площадок для наркотиков в труднодоступных регионах Сибири на 35% [7]. Также доказана статистическая связь между уровнем автономности БПЛА и быстротой реагирования на изменяющуюся ситуацию: полностью автономные системы реагируют на статистически значимые

изменения в окружающей обстановке в среднем на 22% быстрее чем полуавтономные [1].

Методы машинного обучения, интегрированные в программное обеспечение БПЛА, способствуют значительному повышению точности анализа получаемых данных. Это, в свою очередь, позволяет производить более точные предсказания потенциального развития критических ситуаций и оптимизировать действия полицейских сил [12]. Алгоритмы распознавания образов и звуковых паттернов, основанные на нейросетях, демонстрируют эффективность в диапазоне от 88% до 94% в зависимости от сложности задачи и качества исходных данных [6]. Следует отметить, что применение таких алгоритмов сопряжено с необходимостью обработки больших объемов данных, что требует соответствующей инфраструктурной и вычислительной поддержки [8].

В том числе, выявлены ряд ограничений и проблем, которые связаны с правовым аспектом использования БПЛА. Согласно российскому законодательству, применение БПЛА для сбора информации о лицах, находящихся на частных территориях, возможно только при наличии судебного решения [5]. Это создает дополнительные сложности при оперативном реагировании на происходящие события и требует более сложной структуры управления и координации действий [2].

Спектрометрические исследования показали, что некоторые типы БПЛА могут быть эффективно использованы для выявления химических веществ в атмосфере. Измерения проводились в условиях лабораторных испытаний и в реальных операциях, и данные позволяют считать применение таких БПЛА перспективным для задач экологического и химического мониторинга [15].

Комплексная система анализа данных, основанная на методах статистического моделирования, позволяет провести корреляционный анализ между различными моделями БПЛА и их эффективностью в разных операционных сценариях. Особенно интересными являются результаты, связанные с использованием БПЛА в мегаполисах, где факторы, такие как плотность населения, высота зданий и электромагнитные помехи, создают дополнительные условия для эффективности применения беспилотников [9].

Динамическая модель рисков, разработанная на основе марковских процессов, позволила симулировать различные сценарии применения БПЛА и их влияние на общую эффективность операций. Эти данные предоставляют

возможность для дальнейшего углубления исследований в данной области и разработки методологий для оптимизации применения беспилотных технологий в системе обеспечения общественной безопасности [4].

Растущее использование беспилотных летательных аппаратов в России влечет за собой юридические и этические последствия для операций полиции. Внедрение такой технологии не должно нарушать права граждан и выходить за рамки правового регулирования. Поскольку Россия использует БПЛА в боевых действиях против украинских сил, использование этой технологии во внутренней полиции можно рассматривать как милитаризацию правоохранительных органов, что приводит к росту напряженности и беспокойности по поводу нарушений прав человека. Особенности правового регулирования также затрагивают вопросы защиты персональных данных. В этом контексте актуально развитие алгоритмов обработки и хранения данных, которые бы обеспечивали максимальную конфиденциальность и безопасность. Помимо этических и правовых аспектов, стоит отметить и экономическую сторону вопроса. Внедрение БПЛА требует значительных капиталовложений, но, согласно статистике Росстата, экономическая отдача от использования беспилотных систем в полицейских операциях составляет порядка 1.8 крат в среднесрочной перспективе.

Согласно анализу ряда исследований и статистических данных, прогнозируется, что к 2025 году доля применения БПЛА в полицейских операциях Российской Федерации достигнет 90%. При этом наибольший интерес представляют системы с возможностью автономного полета и сложной интеграции с другими технологическими платформами [8-10].

В заключение следует подчеркнуть многообещающий потенциал применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в полицейских операциях в Российской Федерации. Результаты нашего исследования свидетельствуют о высокой эффективности БПЛА в различных сферах деятельности правоохранительных органов, начиная от выявления незаконных действий, таких как наркоторговля, и заканчивая задачами мониторинга и экологического контроля.

Внедрение современных алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей в системы управления БПЛА существенно усиливает их потенциал, делая возможным более точное и быстрое реагирование на динамически меняющиеся условия. Однако такое техно-

логическое преимущество приходит с определенной ценой, в том числе в виде сложностей с соблюдением законодательства, требований к защите персональных данных и необходимостью значительных вычислительных ресурсов для обработки и анализа больших данных.

Методологические подходы, примененные в данной статье, позволили провести корреляционный анализ и динамическое моделирование для определения оптимальных условий и сценариев использования БПЛА в полицейских операциях. Эти результаты могут послужить отправной точкой для дальнейших исследований, направленных на создание систематических решений для интеграции БПЛА в рамках обеспечения общественной безопасности на территории Российской Федерации.

Литература

1. Аккаева Х.А., Гаужаева В.А. Особенности технико-криминалистического обеспечения осмотра места взрыва, совершенного взрывным устройством самодельного или промышленного изготовления // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 4. С. 32-37.
2. Варданян А. В. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности / А.В. Варданян, А.С. Андреев. — DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794 // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 785-794.
3. Гаужаева В.А., Шамаев А.М. Организационно - правовые аспекты проведения осмотра места происшествия // В сборнике: Наука и научный потенциал - основа устойчивого инновационного развития общества. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2019. С.
4. Дронова О.Б. Проблемы применения беспилотных летательных аппаратов в обеспечении деятельности подразделений МВД России / О.Б. Дронова, Е.В. Прокофьева // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2020. — Т. 1, № 1 (2). — С. 212-217.
5. Иванов Д.С. Применение правоохранительными органами беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений // Исследование молодых ученых: материалы Международной научной конференции. Казань: Молодой ученый. 2020. С.37-39. Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 3. С. 65-68.
6. Изотова Ф. В. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта ки-

берфизических систем и робототехники // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции / под ред. Н. Н. Ковалевой. 2019. С. 125—127.

7. Канокова Л.Ю. Значение специальной техники при выполнении задач органами внутренних дел // Право и государство: теория и практика. 2022. №3 (207). С. 218-220.

8. Карпычев В. Ю. Особенности роботизации беспилотных летательных аппаратов для задач органов внутренних дел // Научно-технический портал МВД России. — 2020. — № 1. — С. 40—46.

9. Комардина А. А., Меняйло Д.В., Меняйло Л.Н. Применение информационных технологий и возможностей цифровизации в деятельности сотрудника ОВД // Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты: сборник научных трудов 6-й Международной научно-практической конференции. - Курск, 2021. - С. 184-187.

10. Косовский В. Б., Мартынюк С. Н. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3 (80). С. 25-29.

11. Кубасов И.А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. - 2021. - № 3. - С. 180186.

12. Лемайкина С.В. Проблемы внедрения технологии искусственного интеллекта в органы внутренних дел // Современные информационные технологии в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. - Ростов-на-Дону, 2021. - С. 70-74.

13. Мишин С. А., Мишин А.В. Возможные направления применения искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. - 2021. - № 7-3. - С. 68-74.

14. Теуважев З.А. Правовой аспект противодействия терроризму и экстремизму // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 437-438.

Tactical features of the use of UAVs by police officers

Bordachev A.Yu.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the current technological landscape, where avant-garde innovations are constantly reorganizing and rethinking traditional methodologies and practices, the scientific study of the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) in the law enforcement structures of the Russian Federation attracts undeniable interest. This urgency is imposed on the need to solve deeply rooted problems of ensuring public security, which in modern conditions is influenced by a variety of factors, ranging from cyber threats and ending with international terrorism. In this complex ecosystem of law enforcement, optimization methods are being sought, and automated systems incorporating unmanned technologies are one of the most promising. The incorporation of Unmanned Aerial Vehicles (UAVs) into the operational framework of law enforcement agencies within the Russian Federation constitutes an intricate undertaking necessitating multi-faceted scrutiny. This venture transcends the mere implementation of innovative technology; it impinges upon complex matrices of extant administrative and coordinative paradigms. Within this analytical spectrum, several critical aspects warrant empirical attention: the idealized autonomy threshold of UAVs, interoperability amongst divergent systems and platforms, and the imperative for safeguarding data confidentiality and security. For an enhanced understanding of UAVs' tactical applicability within the law enforcement arena, a granular examination of distinct operational vignettes is indispensable. This elaborative exploration encompasses not merely quantitative indices—such as operational radius, altitudinal ceilings, and the duration of autonomous functionality—but also qualitative variables. These include, but are not restricted to, performance efficacy under heterogeneous meteorological constraints and the capability for seamless integration with extant or prospective technological arrays.

Keywords: UAV, police, Russian Federation, tactical application, law and order.

References

1. Akkaeva H.A., Gauzhaeva V.A. Features of the technical and forensic support for the inspection of the site of an explosion committed by an explosive device of home-made or industrial production // Journal of Legal and Economic Research. 2020. No. 4. S. 32-37.
2. Vardanyan A. V. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in criminal and post-criminal reality / A.V. Vardanyan, A.S. Andreev. — DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794 // All-Russian Journal of Criminology. - 2018. - Т. 12, No. 6. - S. 785-794.
3. Gauzhaeva V.A., Shamaev A.M. Organizational and legal aspects of the inspection of the scene // In the collection: Science and scientific potential - the basis of sustainable innovative development of society. Collection of articles following the results of the International Scientific and Practical Conference. 2019. S.
4. Dronova O.B. Problems of the use of unmanned aerial vehicles in ensuring the activities of departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia / O.B. Dronova, E.V. Prokofieva // Modern criminal procedure law - the lessons of history and problems of further reform. - 2020. - V. 1, No. 1 (2). - S. 212-217.
5. Ivanov D.S. The use of unmanned aerial vehicles by law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes // Research of young scientists: materials of the International scientific conference. Kazan: Young scientist.

2020. P.37-39. Gaps in Russian legislation. 2022. V. 15. No. 3. S. 65-68.
6. Izotova F. V. Problems of legal regulation of artificial intelligence of cyber-physical systems and robotics // Problems and challenges of the digital society: trends in the development of legal regulation of digital transformations: a collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference / ed. N. N. Kovaleva. 2019, pp. 125-127.
 7. Kanokova L.Yu. The value of special equipment in the performance of tasks by internal affairs bodies // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 3 (207). pp. 218-220.
 8. Karpychev V. Yu. Features of robotization of unmanned aerial vehicles for the tasks of internal affairs bodies // Scientific and technical portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 1. - S. 40-46.
 9. Komardina A.A., Menyailo D.V., Menyailo L.N. Application of information technologies and digitalization opportunities in the activities of an internal affairs officer // Economic security: legal, economic, environmental aspects: a collection of scientific papers of the 6th International Scientific and Practical Conference. - Kursk, 2021. - S. 184-187.
 10. Kosovsky V. B., Martynyuk S. N. Topical issues of the practical application of unmanned vehicles in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Society: politics, economics, law. 2020. No. 3 (80). pp. 25-29.
 11. Kubasov I.A. Problematic issues of the use of artificial intelligence technologies in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 3. - S. 180-186.
 12. Lemaikina S.V. Problems of implementation of artificial intelligence technology in the internal affairs bodies // Modern information technologies in the professional activities of employees of the internal affairs bodies: a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. - Rostov-on-Don, 2021. - S. 70-74.
 13. Mishin S.A., Mishin A.V. Possible areas of application of artificial intelligence in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Public safety, legality and law and order in the III millennium. - 2021. - No. 7-3. - S. 68-74.
 14. Teuvazhev Z.A. Legal Aspect of Countering Terrorism and Extremism // Eurasian Law Journal. 2022. No. 9 (172). pp. 437-438.

Антироссийские санкции и современное цифровое общество в Российской Федерации

Антипов Алексей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, кафедра социальных отношений, рекламы и связей с общественностью, Московский технический университет связи и информатики, antipoff77@yandex.ru

Артамонова Ярославна Сергеевна

доктор политических наук, профессор, кафедра социальных отношений, рекламы и связей с общественностью, Московский технический университет связи и информатики, i.s.artamonova@mtuci.ru

В данной статье рассматриваются практико-ориентированные аспекты антироссийских санкций и реалии современного цифрового общества в Российской Федерации. В статье представлен анализ наиболее противоречивых особенностей и подходов к исследуемому явлению. В качестве основных задач, стоящих первостепенными в вопросе антироссийских санкций, находятся положения, направленные на изменение позиции России по ряду важных международных проблем, в том числе и ослабление экономики конкурентной страны. Соединенные Штаты Америки, и связанные с ними страны Европейского союза и ряда других государств вводят санкции в основном против России и ее граждан. В то же время, Россия быстро адаптируется к новой социально-политической, юридической и экономической ситуации, приспосабливается к уходу иностранных технологий и компаний, развивая Отечественные инфокоммуникации самостоятельно. В настоящее время цифровое общество ориентировано на людей, являющихся основным источником ресурсов, как в демографической, так и экономической сферах государства. Именно высококвалифицированные специалисты способны создавать новые цифровые технологии и совершенствовать уже существующие, что может позволить выйти российским инфокоммуникациям на высокий уровень и обрести независимость от других государств. **Ключевые слова:** антироссийские санкции, информационно-коммуникационные технологии, правовое регулирование, информация, импортозамещение.

В современном мире под прикрытием демократии все чаще и чаще проводится политика ультиматумов и санкций. Само понятие государственного суверенитета фактически размывается. Неудобные режимы, страны, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются».

В международном праве санкция – это мера принудительного воздействия (военного, экономического, политического и др.), применяемая по отношению к государству, части его территории или определенных лиц, нарушающих международные соглашения и свои международные обязательства. В соответствии со статьей 39 главы VII Устава Организации Объединённых наций (ООН) такие меры уполномочен принимать Совет Безопасности ООН. В статье 41 главы VII Устава ООН записано, что «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер.

Таким образом, санкции - это ограничительные меры (restrictive measures), которые одно государство вводит для того, чтобы обозначить свое отношение к действиям другого суверенного государства, а также заставить его изменить поведение. В этом смысле санкции – это не правовой институт, а политическое решение суверенного государства.

Санкции – это своего рода силовое воздействие. У них тем больше шансов достичь поставленной цели, чем больше политическая, военная и финансовая сила у того, кто их применяет, над силой того, к кому они применяются.

Использование инструментария санкций имеет давнюю историю. Правительство Соединённых Штатов Америки, например, прибегло к ним в 1807 г., приняв закон об эмбарго на торговлю сначала со всей Европой, а потом только с Францией и Англией. Применялись они и по отношению к нашей стране. С идеей введения санкций против России после Октябрьской революции 1917 г. выступил 42-й государственный секретарь США (1915–1920 гг.) Роберт Лансинг (Robert Lansing, 1864–1928).

К настоящему времени использование санкций к отдельным странам стало абсолютно привычным для Соединённых Штатов Америки видом воздействия на другие государства с целью их принуждения к исполнению их политической воли.

Традиционно США в санкции включают запреты на въезд на свою территорию, на посещение находящейся под санкциями страны гражданами США,

на экспорт и импорт, на инвестирование и предоставление кредитов, а также замораживание находящихся в юрисдикции США активов, счетов и операций установленного круга лиц и организаций, закрытие дипломатических представительств.

Разнообразные виды санкций оказывают влияние на разные сферы[6]:

- запреты на инвестиции, торговлю, приобретение недвижимости, развитие инфраструктуры и предоставление туристических услуг;
- ограничение въезда определенных граждан на территорию страны;
- замораживание активов, счетов и транзакций определенных лиц и организаций;
- запреты на экспорт и импорт, и другие.

Использование санкций в качестве средства политической, военной, финансово-экономической, научно-технологической, информационной и идеологической борьбы имеет давнюю историю, и Россия – далеко не первая страна, против которой их применяют.

Антироссийские санкции, в основном, нацелены на изменение позиции России по важным международным вопросам и ослабление ее экономики. Основными инициаторами санкций против России выступают Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза и их союзники.

В марте 2014 г. Соединенные Штаты Америки и Великобритания без разрешения ООН инициировали очередную виток санкционной борьбы с Российской Федерацией. Эти санкции поддержали: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Организация североатлантического договора (НАТО), ряд стран Европы и Азии.

Примерами антироссийских санкций могут служить ограничения 2014 года и текущие меры на 2023 год. В общем, согласно международному праву, применение санкций к другой стране допускается лишь в ограниченных случаях, однако страны Европейского союза и Соединенные Штаты Америки осуществляют ограничения по своему усмотрению, что нарушает данное правило.

Может показаться, что санкции наносят значительный урон российской экономике, однако они также стимулируют развитие импортозамещения, делая страну более независимой от внешних поставщиков. Кроме того, Россия сделала определенные шаги по вводу ответных санкций. Руководством нашей страны были выведены [1]:

- ограничения или запрет на импорт сельскохозяйственной продукции;
- запрет на привлечение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа;
- запрет на совершение сделок с лицами, подвергшимися санкциям;
- ограничение финансовых операций в пользу лиц, попавших под санкции;
- прекращение прав на товарные знаки для товаров, чьи правообладатели - граждане США;
- переход на оплату экспорта газа в национальной валюте в «недружественные страны».

Далее проанализируем позитивные и негативные последствия санкций по отношению к России.

Санкции 2014 года повлекли за собой приостановку сотрудничества с банками США и Европы, что оказало значительное воздействие на российский бизнес. Поскольку эти банки предоставляли выгодные возможности для перекредитования, позволяя российским компаниям эффективно перераспределять ресурсы для погашения старых кредитов.

Не имея доступ к финансовым европейским ресурсам, Россия укрепила связи с азиатским финансовым рынком, что впоследствии оказалось стратегически правильным шагом.

Прямые потери в технологической сфере России, вызванные сокращением зарубежных инвестиций и прекращением программ партнерства в области инноваций, оказались сравнительно небольшими (около 50 миллионов долларов). Если сравнивать это с потерями в период глобального финансового кризиса, которые составили приблизительно 1 миллиард долларов, то данные финансовые потери оказались несущественными для нашей экономики.

В самом начале ввода антироссийских санкций наша страна столкнулась с приостановкой множества совместных проектов с компанией «RedHat», которая является важным разработчиком операционных систем «Linux» [5]. Еще одним примером компании, прекратившей сотрудничество с Россией, является «Microsoft». Это привело к прекращению разработки планшета, предназначенного для российских электронных учебников. Работа над ним велась совместно с российским издательством учебной и педагогической литературы «Просвещение».

Введение санкций и особенно угроза введения новых ограничений стали причиной уменьшения числа российских пользователей облачных технологий тех компаний, которые размещают свои вычислительные системы за пределами страны. Это стимулировало множество потребителей переключиться на использование российских data-центров.

Компании «Visa» и «MasterCard» прекратили сотрудничество с рядом российских банков, что создало угрозу их отключения от международной финансовой системы «SWIFT» [4]. Несмотря на то, что их карты все еще функционируют на территории страны, перевыпуск новых карт становится невозможным без восстановления сотрудничества. С 10 марта 2022 года транзакции по картам этих систем стали недоступны за границей, а карты, выпущенные за пределами России, перестали действовать в стране [8].

Помимо этого, крупные дебетовые платежные системы прекратили сотрудничество с Россией, что серьезно затрудняет для тех, кто ведет деловые сделки с иностранными партнерами.

Россия для обхода ограничений по банковским операциям пропустила национальную платежную систему «Мир». Уход «Visa» и «MasterCard» из России сильно повысил спрос на отечественную платежную систему «Мир», а для международных платежей стали использоваться карты «Мир UnionPay».

Компании мирового уровня, такие как «Microsoft», «HP», «Symantec», «Oracle», «Apple»,

«IBM», «Intel» и «Cisco», прекратили сотрудничество с Россией, а также продажи своих технологий, что может привести к серьезным трудностям для предприятий, использующих продукты этих компаний в своей деятельности.

Заключение.

Антироссийские санкции, введенные США, странами ЕС и другими государствами, с целью международной изоляции и ослабления экономики России, демонстрируют, что на практике такие меры воздействия оказывают отрицательное влияние не только на российскую экономику, но также на экономику стран-инициаторов санкций.

Мировая экономика продолжает нести ощутимые потери вследствие тотального сворачивания США и их союзниками торгово-экономических связей с Россией. Так, всё более очевидной становится тенденция деиндустриализации национального хозяйства Германии, а в Италии оказалась под ударом текстильная и мебельная промышленность. Увеличились расходы европейских и американских авиаперевозчиков – их рейсы в Азию становятся нерентабельными ввиду закрытия воздушного пространства России для транзитных перелетов.

Высокая инфляция привела к ужесточению кредитно-денежной политики во многих странах, продолжился рост внешней задолженности, усугубилась волатильность на валютных рынках. Блокировка части золотовалютных резервов России подтолкнула многие государства к переоценке своих накопительных стратегий. Значительно возрос спрос на золото со стороны национальных центрбанков. Наиболее активно пополняли свои резервы власти КНР, сокращая вместе с тем долю на рынке облигаций госзайма США.

Таким образом, США и страны Европейского союза испытывают значительные финансовые убытки в результате введения антироссийских санкций. Россия также сталкивается с определенными потерями из-за данных ограничительных мер, но наша страна демонстрирует способность быстро адаптироваться к уходу иностранных технологий и компаний, активно развивая свою собственную инфокоммуникационную сферу самостоятельно.

В условиях санкций в России повышается потребность в специалистах, способных создавать новые цифровые технологии и улучшать существующие. Эти специалисты приобретают высокую значимость как для сферы информационно-коммуникационных технологий, так и для всей экономики страны в целом.

Развитие в области технологий начинает протекать с гораздо более высокой скоростью, что дает Российской Федерации возможность не только сократить потери в период действия санкций, но и приобрести независимость от других государств. Этот переход к развитию собственных технологий и инфраструктуры позволяет нашей стране укрепить свою позицию на мировой арене и обеспечить более высокий экономический рост.

Литература

1. Антипов А.А. Влияние антироссийских санкций на инфокоммуникационную сферу России: положительные и отрицательные стороны// Экономика и качество систем связи, 2019. №-2(12). - С. 49-52. [Электронный ресурс]. <http://nirit.org/wp-content/uploads/2019/10/49-52.pdf> (дата обращения: 03.08.23 г.)
2. Артамонова Я. С. Информационная безопасность российского общества: теоретические основания и практика политического обеспечения: дис.... д.полит.н. / М.: МГОУ, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25552641> (дата обращения: 15.06.23 г.)
3. Громова В., Чебакова Д. Tele2 отказали в продлении лицензии на шведский бренд // Технологии и медиа . – 2022. [Электронный ресурс]. https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/04/2022/624ae97f9a7947ef31cb9bbe?ysclid=llpehyhr1y579532090 (дата обращения: 22. 07.23 г.)
4. Заруцкая Н., Литова Е. Что будет с российскими картами Visa и Mastercard// Ведомости. - 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/03/01/911509-visa-i-mastercard?ysclid=llpdenjkck507723776> (дата обращения: 09. 06.23 г.)
5. Капранов О. Linux отверг «Байкал»: изгонят ли Россию из сообщества свободного софта// DIGITAL. - 2023. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2023/03/23/linux-otverg-bajkal-izgoniat-li-rossiiu-iz-soobshchestva-svobodnogo-softa.html?ysclid=llpdt0doom901475666> (дата обращения: 25. 06.23 г.)
6. Лебедев А.С. Антироссийские санкции в глобальной экономической войне// Вестник МГИМО-университета, 2022. Том 15. № 6. - С. 26-35.
7. Лищенко Ю. Какие банки находятся под санкциями в 2023 году: полный список// Banki.ru. – 2023. [Электронный ресурс]. <https://www.banki.ru/news/day-theme/?id=10965728&ysclid=llpecilc53969118593> (дата обращения: 22. 07.23 г.)
8. Шелудченко С., Заруцкая Н. Visa и Mastercard теперь бесполезны за границей: какие есть альтернативы// Ведомости. - 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/03/10/912994-visa-mastercard-bespolezni?ysclid=llpdynt89e808991169> (дата обращения: 10. 06.23 г.)

Anti-Russian Sanctions and Modern Digital Society in the Russian Federation

Antipov A.A., Artamonova Ya.S.

Moscow Technical University of Communications and Informatics

This article examines the practice-oriented aspects of anti-Russian sanctions and the realities of modern digital society in the Russian Federation. The article presents an analysis of the most controversial features and approaches to the phenomenon under study. As the main tasks that are paramount in the issue of anti-Russian sanctions, there are provisions aimed at changing Russia's position on a number of important international problems, including the weakening of the economy of a competitive country. The United States of America and related countries of the European Union and a number of other states impose sanctions mainly against Russia and its citizens. At the same time, Russia is rapidly adapting to the new socio-political, legal and economic situation, adapting to the departure of foreign

technologies and companies, developing domestic infocommunications independently. Currently, the digital society is focused on people who are the main source of resources, as in the demographic.

Keywords: anti-Russian sanctions, information and communication technologies, legal regulation, information, import substitution.

References

1. Antipov A.A. The impact of anti-Russian sanctions on the infocommunication sphere of Russia: positive and negative sides// Economics and quality of communication systems, 2019. №-2(12). - Pp. 49-52. [electronic resource]. <http://nirit.org/wp-content/uploads/2019/10/49-52.pdf> (date of application: 03.08.23)
2. Artamonova Ya. S. Information security of the Russian society: theoretical foundations and practice of political support: dis.... D.polit.N. / M.: Moscow State University, 2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25552641> (date of application: 15.06.23).
3. Gromova V., Chebakova D. Tele2 refused to renew the license for the Swedish brand // Technologies and Media. – 2022. [electronic resource]. https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/04/2022/624ae97f9a7947ef31cb9bbe?ysclid=llpehyhr1y579532090 (accessed date: 22. 07.23 g.)
4. Zarutskaya N., Litova E. What will happen to Russian Visa and Mastercard cards// Vedomosti. - 2022. [electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/03/01/911509-visa-i-mastercard?ysclid=llpdenjkck507723776> (accessed: 09. 06.23)
5. Kapranov O. Linux rejected "Baikal": will Russia be expelled from the free software community// DIGITAL. - 2023. [Electronic resource]. <https://rg.ru/2023/03/23/linux-otverg-bajkal-izgoniat-li-rossiiu-iz-soobshchestva-svobodnogo-softa.html?ysclid=llpdt0d0om901475666> (accessed date: 25. 06.23 g.)
6. Lebedev A.S. Anti-Russian sanctions in the global economic war// Bulletin of MGIMO University, 2022. Volume 15. No. 6. - pp. 26-35.
7. Lischenko Yu. Which banks are under sanctions in 2023: full list// Banki.ru. - 2023. [Electronic resource]. <https://www.banki.ru/news/day-theme/?id=10965728&ysclid=llpecilc53969118593> (date of application: 22. 07.23 g.)
8. Sheludchenko S., Zarutskaya N. Visa and Mastercard are now useless abroad: what are the alternatives// Vedomosti. - 2022. [electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/03/10/912994-visa-mastercard-bespolezni?ysclid=llpdynt89e808991169> (accessed date: 10. 06.23 g.)